

Леонид Кудрявцев

Смерть по заказу

«Автор»

Кудрявцев Л. В.

Смерть по заказу / Л. В. Кудрявцев — «Автор»,

Чувствовал главный герой, что им с другом за это браться не стоит. И заказчик что-то мудрит, и деньги обещают непривычно большие. Но разве ж мог он представить, что в таком маленьком городке можно так здорово влипнуть? К тому же в определенный момент оказывается, что все это было полосой белой, а вот когда началась черная... Захватывающая и непредсказуемая история, рассказанная известным писателем Леонидом Кудрявцевым, придется по вкусу любителям классического детектива, в котором загадка открывается только на самой последней странице.

© Кудрявцев Л. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая: ПРАВИЛА ИГРЫ	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	39
Глава шестая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Леонид Кудрявцев

Смерть по заказу

роман

ПРОЛОГ

Клиент был жаден. Именно это киллер и решил использовать.

Конечно, ранее, обдумывая операцию, они с напарником разработали еще несколько вариантов, суливших неизбежный успех, но именно этот показался им самым простым, наиболее легким в исполнении, а стало быть, и верным. По крайней мере, они решили начать именно с него.

Почему бы и нет?

Киллер поправил ремень спортивной сумки, висевшей на плече, и закурил сигарету.

Больше всего ему нравилось в клиенте то, что тот был еще и пунктуален. В наше время это встречается редко. С пунктуальным человеком работать гораздо проще. Есть уверенность, что он не выкинет какой-нибудь неожиданный фортель.

Киллер взглянул на часы.

Еще три минуты, а потом ему надо будет действовать, причем действовать быстро и без осечки.

В тот момент, когда киллер выкинул окурок, из ближайшего переулка выехал «Москвич».

Все верно. Минута в минуту. Ну, теперь пора.

Киллер рванулся к обочине, бешено размахивая рукой, встав впереди какого-то «головосущего» типа, в строгом черном костюме и аккуратном галстуке, стараясь заслонить его. Это ему удалось. Тип буркнул что-то злобное, но киллер даже не обратил на него внимания.

Машина затормозила почти рядом. Киллер устремился к ней, рванул на себя дверцу.

– Командир – подвези!

– Куда тебе? – спросил исполнявший еще и обязанности шофера телохранитель, здоровенный парень в пестрой футболке и спортивных брюках. Сидевший рядом с ним клиент не повернул даже и головы. Он глядел куда-то вдаль, делая вид, что этого нахального молодого человека не существует вовсе.

«– Делай, делай, – усмехнулся про себя киллер. – Только, я – то знаю, что ты остановился не из каприза. Нет. Ты проделываешь эту штуку каждый вечер. Вообще удивительно. Человек, ворочающий такими деньгами, подрабатывает на обратном пути домой извозом. Обыкновенная жадность. Она самая. Вот за нее ты и заплатишься»

– В Ленинский район, – быстро сказал киллер.

– Куда именно?

– До Тихоновской улицы.

Клиент едва заметно кивнул.

– Сколько? – спросил телохранитель.

– А сколько надо?

– Тридцать! – В голосе телохранителя чувствовалось хорошо отрепетированное презрение.

Он уже явно высмотрел конкурента и теперь прикидывал, что если первый клиент откажется, то «пиджачный» заплатит требуемую сумму.

– Ладно, дороговато конечно, но уж больно я тороплюсь... – киллер махнул рукой. – Согласен.

– Садись, – сказал телохранитель.

Усаживаясь в машину, киллер с трудом удержался от довольной улыбки.

Все, половина дела – в кармане. Теперь оставалось только сделать вес как надо. Ну, тут-то он за себя был совершенно спокоен. В первый раз, что ли?

Машина тронулась с места. Киллер откинулся на мягкое сиденье, и расстегнул сумку. Услышав звук расстегиваемой молнии, телохранитель вздрогнул. Взгляд его скользнул по бардачку, в котором наверняка должен лежать пистолет.

Киллер достал из сумки свежую газету и, безмятежно ее развернув, стал изучать страницу объявлений. Телохранитель расслабился.

Так. «Еще не старая, миловидная женщина, пятидесяти девяти лет, ищет друга, не утратившего вкус к жизни, без вредных привычек, способного стать верным мужем и спутником жизни.»

Однако! О какой миловидности в пятьдесят девять лет может идти речь?

«Прекрасная душой интеллигентная женщина тридцати пяти лет, интересующуюся книгами и вязанием, с дочкой пяти лет, ищет...»

Машина катила по улицам города. До темноты оставалось не менее двух часов. Трое сидевших в салоне мужчин хранили молчание. Телохранитель вел машину, клиент думал о чем-то своем, (наверное, о том, как расправиться с очередным конкурентом), киллер читал газету.

Все шло по плану. И, конечно же, телохранитель, решив поехать более короткой дорогой, свернул на боковую улочку. Она заканчивалась пустырем, за которым был Ленинский микрорайон, пересекавшийся надвое Тихоновской улицей.

Отгородившись от тех, кто сидел на переднем сиденье, газетой, киллер улыбнулся уже в открытую.

У него была твердая уверенность, что дальше пустыря они не поедут.

Вот и он.

Последние дома остались позади и машина поравнялась с небольшой группой деревьев. Киллер резко смял газету и, хлопнув себя по лбу, полным отчаяния голосом крикнул:

– Командир, останови!

– Что случилось? – притормаживая, спросил телохранитель.

– Забыл. Черт. Забыл офис поставить на сигнализацию. Если не вернусь, меня завтра шеф так трахнет! Останови, командир!

В голосе его чувствовалось неподдельное отчаяние. Заветная группа деревьев уже почти осталась позади.

– Вот навязался на мою голову, – пробурчал телохранитель, но машину все же остановил. – Как ты обратно-то поедешь?

– Поймаю кого-нибудь. Тут многие ездят, – быстро бормотал киллер, берясь за ручку дверцы. – Мне сейчас только бы обратно добраться.

Газету и сумку он сжимал в левой руке.

– А деньги? – подал голос клиент.

– Конечно, конечно, – привстав, чтобы было удобнее, зашарил по карманам, отыскивая бумажник, киллер. Наконец он его вытащил, отсчитал три десятитысячных купюры и сунул водителю.

– Ладно, выметайся, – пробормотал тот, передавая деньги клиенту.

– Сейчас, сейчас, – бормотал киллер, запихивая газету в лежавшую у него на коленях сумку. Наконец, управившись, он ловко вытащил из сумки гранату-лимонку и, стараясь дер-

жать ее так, чтобы этого не было видно сидящим в машине, стал выбираться наружу, намеренно неуклюже, словно выползающий из берлоги медведь.

– Быстрее, – поторопил телохранитель.

Клиент сидел на своем месте неподвижно, как статуя. Правда, денег у него в руках уже не было и, киллер подивился скорости, с которой он спрятал их в карман.

– Сейчас, сейчас!

Он выбрался из машины и вдруг, сунув голову в нее обратно, сказал:

– Счастливой дороги, командир!

Говоря это, он выдернул из гранаты кольцо и швырнул ее внутрь салона. Теперь ему осталось только рыбкой нырнуть под откос, в глубокую придорожную канаву.

Когда грохнул взрыв, киллер уже лежал в нескольких метрах от машины, закрыв руками голову и открыв рот, чтобы не повредить барабанные перепонки. Осколки выстригли кусты над самой его головой, но канава послужила надежным укрытием. Через несколько секунд после взрыва, киллер помотал головой и пружинисто вскочил.

От машины и сидевших в ней осталось не так уж и много.

Выхватив из сумки пистолет, киллер ринулся к противоположной придорожной канаве. Он должен был удостовериться, что телохранитель не успел выскочить. Судя по всему, тот вполне мог это сделать. Канава оказалась пуста. На дне ее валялась закинутая взрывом оторванная рука, все еще сжимавшая пистолет.

Киллер покачал головой.

Все-таки не зря он опасался. Реакция у телохранителя была отменная. Только он, как и его хозяин, был дураком: вместо того чтобы выпрыгивать – схватился за пистолет. С каких это пор пистолеты помогают против гранат?

Однако думать об этом не было времени.

Быстро оглядевшись, и убедившись, что вокруг никого, а стало быть, нет и лишних глаз, киллер метнулся обратно, на другую сторону дороги. Петляя между кустами, он побежал прочь.

За группой деревьев была огромная куча мусора, образовавшаяся в результате того, что многие жители города ленились отвозить его на свалку, постепенно превращая пустырь между двумя микрорайонами в некий ее филиал. За этой кучей стоял помятый «жигуленок», в котором сидел напарник и покуривал сигаретку.

– Все в ажуре, – отрапортовал киллер, усаживая на переднее сиденье, рядом с ним.

– Слышал, – улыбнулся напарник. – Поехали?

– Да. И чем скорее – тем лучше, – на шаривая в кармане сигарету, сказал киллер.

Часть первая: ПРАВИЛА ИГРЫ

Глава первая

Стучали вагонные колеса. Уносились прочь поля, рощицы, неглубокие овражки, извилистые речушки, иногда мелькали скопления похожих на старинные коробочки от монпансье дач.

Андрей Наумов поглубже затянулся сигаретным дымом и подумал о том, что в этой стране все люди делятся на три категории. Принадлежащие к первой считают жизнь большим дерьмом и ни на что уже не надеются. Другие находят жизнь – большое дерьмом, но все еще надеются ухватить удачу за хвост. Третьи полагают большим дерьмом всех остальных людей, а жизнь понимают прекрасной и удивительной штукой, созданной исключительно для них самих, и ни для кого больше.

Самого себя Андрей относил ко второй категории. Его спутники по купе явно принадлежали к третьей. Еще одной особенностью третьей категории было то, что они считают всех остальных людей, кроме себя, не только дерьмом, но и идиотами, лохами, созданными для того, чтобы быть обманутыми. Причем, как ни странно, им это удастся. Правда, не всегда...

Андрей слегка усмехнулся.

В тамбур вошла молоденькая проводница и, мельком взглянув в его сторону, стала проворно подтирать пол. Докуривая сигарету, Андрей покорно передвигался из конца в конец тамбура, стараясь ей не сильно мешать, и мимоходом думал о том, что с теми двумя, засевшими в его купе, что-то, видимо, придется делать. Так просто они не отстанут.

«Ну да ничего, – беззаботно решил он. – Это так, мелочь пузатая. С ними больших хлопот не будет. Вот только не вышло бы скандала.»

Скандал был ему не нужен, совсем не нужен.

Проводница попросила:

– Эй, мужик, еще раз передвинься. Чего стоишь столбом?

Андрей ухмыльнулся.

– Ну, должно же хоть что-то стоять в этом вагоне?

Она хихикнула и бросила на него заинтересованный взгляд. Он передвинулся, мимоходом отметив, что, несмотря на молодость и худобу, бюст у проводницы просто выдающийся. В полном смысле этого слова. Выдается вперед здорово.

Спросил:

– Тебя как зовут?

– Томой, – снова хихикнула она. – А тебе зачем.?

– Так, просто... – уклончиво ответил он.

– А-а-а... – то ли разочарованно, то ли с надеждой протянула она, заканчивая подтирать пол. Прежде чем выйти из тамбура, она хихикнула в третий раз и, стараясь держать от себя подальше грязную тряпку, выскользнула из тамбура.

Андрей затушил окурок и сунул его в прикрепленную к дверце вагона консервную банку.

Пора было возвращаться в купе.

Двое, ехавшие с ним, уже выставили на стол початую бутылку водки, порезали жирную, явно несвежую колбасу, накрошили ломтями слегка подсохший хлеб, и теперь о чем-то тихо разговаривали.

– Ого, сосед, долго ходишь, – неестественно радушно, сказал один из них, тот, у которого были жидкие, словно бы наполовину выдранные усы. У второго усов не было, но зато он обладал замечательным, огромным носом, настоящим рубильником. Андрей их так про себя и назвал: Усы и Нос.

Слегка улыбнувшись, Андрей развел руками. Дескать: вот такой я, ну такой, и ничего не поделаешь.

– Присаживайся! – приглашающее махнул рукой на расставленное угощение Нос. – Давай выпьем за знакомство.

– А не боитесь, что загребут? – спросил Андрей. – Сейчас, говорят, милиция по вагонам шерстит здорово. Чуть что, сразу забирают и ссаживают с поезда.

– Не бойсь, – авторитетно заявил обладатель усов, и старательно подмигнул. – Они сейчас отдыхают, а обход будут делать часа через три. К этому моменту мы уже сойдем, а ты ляжешь спать. Так что не дрейфь, приятель. Прорвемся.

«Похоже, у них все схвачено, – подумал Андрей.»

Не нравилась ему эти двое, совсем не нравились. Что-то им было от него нужно, нужно позарез, он это буквально кожей чувствовал.

«Может быть, уже началось? – спросил он себя, но тут же и ответил. – А что, собственно, началось? Нечему пока начинаться. Я еще и за дело не взялся, даже в Москву не доехал. Нет, если бы меня выследили, то все это представление в вагоне было бы ни к чему. Нос и Усы здесь совсем по другой причине.»

С другой стороны, не чувствовал он в попутчиках серьезной силы, настоящей опасности. Какие-то они были слишком мягкие, ненастоящие, что ли...

– Ну, ты чего жмешься, давай, налегай! На халюву, говорят, и уксус сладкий! – сказал Нос и быстро разлил по маленьким пластмассовым стаканчикам водку.

Усатый сейчас же схватил один из них и протянул Андрею.

– Бери... за знакомство... тебя как зовут?

– Андрей.

– А меня Юрка. Его вон – Мишкой! Давай, не тяни кота за хвост.

Андрей задумчиво повертел в пальцах стаканчик, кинул взгляд на бутылку.

Гадость какая-нибудь... С другой стороны, похоже, для того чтобы события стали разворачиваться побыстрее, выпить он был должен. Да и интересно ему стало, что там дальше будет по их сценарию после водки.

«Может, они в эту водку чего-то сыпанули? – подумал он. – Да нет, себе-то тоже наливали... Что ж они, и себя заодно травить будут?»

Он залпом опрокинул стаканчик, взял кусок колбасы и неторопливо стал его есть.

Водка была «паленая», гадостная просто невероятно.

Ну, да, впрочем, в этой стране в данный момент хорошую водку найти было нелегко.

Мишка и Юрка шустро заглотнули свои порции и тоже навалились на колбасу.

Андрей заметил как они быстро перемигнулись, и еще более насторожился. Что-то затевалось. Не сильно опасное, но все же...

– Мужик, а кем ты работаешь? – деловито жуя колбасу, поинтересовался усатый Юрка.

– Я? Инженером, – ответил Андрей и покрутил ручку встроенного в стену радио. Благодаря обостренному чутью человека, выросшего в небольшом городке рядом с большой зоной, он уже совершенно точно знал, что эти ребята сидели.

В купе ворвался голос диктора:

– За минувшие сутки в Чечне погибло двое военнослужащих и ранено восемнадцать...

– Это потом, – быстро проговорил Юрка, и перегнувшись через Андрея, выключил радио. – Инженером – в какой области?

– По программированию ЭВМ.

Мишка присвистнул.

– Ого, это что, компьютеры, что ли?

– Они самые, – улыбнулся Андрей.

– Ага, стало быть – умный, – словно констатируя, задумчиво сообщил Юрка.

– Стало быть, – весело подтвердил Андрей. – Только, толку-то...

– А я вот слышал, что эти, которые по компьютерам, хорошо зарабатывают, – сказал Мишка.

– Не жалуюсь... – скромно ответил Андрей. – А вы ребята, чем занимаетесь?

– Мы-то, – хохотнул Юрка. – Мы – свободные художники.

– Этот как? Картины, что ли, рисуете?

– Картины? – они дружно захохотали.

– Я сказал что-то смешное? – слегка обиженным тоном спросил Андрей.

Эта игра ему нравилась, и даже слегка развлекала.

– Да нет, – промолвил Мишка. – Конечно, никакие мы не художники, а так... подрабатываем... Сезонные рабочие. То тут подработаем, то там. Короче, кое-как на табачок хватает.

– Точно, кое-как... – пробормотал Юрка.

Повисла небольшая пауза, которую нарушил Мишка.

– Ладно, мужики, – сказал он. – Давайте еще по-маленькой.

Вот тут Андрей отказался:

– Нет ребята, вы уж меня увольте. Слишком водка у вас гадостная.

– Водка, она всегда горькая, – сообщил Мишка, берясь за бутылку. – А вот как выпьешь... глядишь, и еще охота. Правда ведь?

Он подмигнул Андрею и хотел было ему все же налить, но тот прикрыл стаканчик ладонью и покачал головой.

– Нет, не буду.

– Ну, хозяин – барин, – Мишка убрал бутылку. – Однако, чем мы будем заниматься? Пить ты не пьешь, а вдвоем этим делом нам заниматься тоже не хочется. Может быть, в картишки сыграем?

– А чего бы и не сыграть? – снова хохотнул Юрка, ловко доставая из кармана новенькую колоду карт. – Есть одна игра, мне ее знакомый не так давно показывал... бура называется. Завлекательная, ужас! Правда, она на деньги, ну да ничего, мы по маленькой.

Андрею стало скучно.

Юрка уже ловко тасовал карты, а Мишка, вытащив из кармана кучку пожульканных тысячных бумажек, демонстративно положил ее на стол.

– Эх, начинаем, – азартно воскликнул Юрка и протянул Андрею карту. – Держи!

– Нет, – отказался тот. – Не буду.

– Это как? – удивился Юрка.

– А так, – пожал плечами Андрей. – Не буду – и все. Не люблю я в карты играть.

– Да ладно, чего там, давай, по маленькой, – засуетился Мишка. – Если хочешь, можно и без денег. Просто, на интерес.

– Нет, ребята, – сказал Андрей. – Юность у меня была бурная, и я поклялся карты в руки не брать.

Все, пора было эту игру кончать, пока она не зашла слишком далеко.

– А зря, – тяжело, с угрозой сказал Юрка. – Как это понимать? Водку, значит, ты с нами хряпаешь, а вот в карты, получается, брезгуешь? Нехорошо это, ой, не хорошо.

Рука Мишки словно был случайно легла на перочинный нож, которым он минут десять назад резал колбасу, да так и оставил на столе. Нож был с пластмассовой рукояткой и острым длинным лезвием.

«Ого, да они меня принимают совсем уж за лоха, – подумал Андрей.»

Это было очень плохо. Это означало, что он слегка переиграл и теперь, чтобы выпутаться из ситуации, слов будет мало. Придется действовать.

– Ну так как? – поинтересовался Юрка, протягивая карту. Никакого дружелюбия в его голосе уже не было: звучал он неприязненно, и слышалась в нем скрытая угроза. – Будешь играть?

– Нет, не буду, – ответил Андрей, откидываясь назад, на спинку сиденья.

Дальнейшее произошло очень быстро. Прихватив нож, Мишка уже привстал, намереваясь пересесть на сиденье рядом с Андреем, но тут тот резко нагнулся вперед. Схватив правой рукой руку Юрки, Андрей ловко взял ее на излом, а левой хлестко ударил Мишку в живот. Нос выронил нож и согнулся в три погибели. Не отпуская руки Юрки, продолжая ее выворачивать, так, что тот от неожиданности и боли тихо заскулил, Андрей поймал Мишку за рубашку и швырнул обратно на сиденье, с которого тот было встал.

– Ты чего? Драться, что ли? – ошарашено пробормотал Юрка. – Руку, рукупусти.

– Тихо, ты, падаль – прошипел Андрей. – Сидеть, я кому сказал, а то еще добавлю.

– Да мы сидим, сидим, – простонал Юрка. – Руку-то отпусти...

– Ладно уж... – Андрей отпустил его и выпрямился.

– Ну, мужик, ты за это заплатишь... – поднял голову все еще сидевший в полусогнутом состоянии Мишка. – Ну, я тебя...

– Молчать, – приказал ему Андрей.

Но тот не унимался.

– Ах ты... да я же тебя.

Андрей врезал ему левой рукой по носу. Голова Мишки с глухим стуком ударилась о стенку купе.

– Еще хочешь? – совершенно спокойно спросил Андрей.

– Нет, – пробормотал тот, зажимая рукой нос. – Что ж ты, падла, сразу не сказал, что играть не будешь?

– Разве не сказал? – почти весело спросил Андрей. – Так и не сказал?

– Ладно, мужик, давай больше не будем, – предложил, видимо, более сообразительный Юрка. – Пошумели – и хватит. Давайте водочки дернем... нам еще ехать...

– Вот тут ты не угадал, – сказал Андрей. – Не пить, не ехать дальше мы не будем. Даю вам десять минут, чтобы вы освободили купе. Вон, соседнее свободно. Мотайте туда. Понятно?

– Уж куда понятнее... – усмехнулся Юрка. – Только не прав ты, ой, не прав. А уйти мы уйдем, и не в соседнее купе, а в другой вагон. Там у нас кореша едут. Так что ты поглядывай, как бы ночью к тебе визитеры не пришли.

– Ну, этим вы меня не испугаете, – усмехнулся Андрей. – Пусть приходят. Как придут, так и уйдут. Не советовал бы я вам, ребятки, со мной связываться. Большой урон понести можете.

Мишка шмыгнул носом, вытер рукавом кровь и махнул рукой.

– Завязывай, – сказал он товарищу. – Ошиблись мы. Похоже, птица ты серьезная, и связываться с тобой – себе дороже. По какому делу работаешь?

– А вот это уже не ваша забота, – сказал Андрей. – Проваливайте, пока я терпение не потерял.

– И в самом деле... пора нам, – сказал Мишка. – Давай, забираем вещички и – ходу. Там, в соседнем вагоне, я видел, один в купе какой-то лох едет...

– Ладно, не буду мешать. У вас осталось пять минут, – сказал Андрей и вышел в коридор.

Там он быстро огляделся. Похоже, на стычку в его купе никто не обратил внимания. И это было хорошо.

Он постоял возле поручней, глядя на проносившийся за окном деревья, холмы, телеграфные столбы. Минут через пять из купе вышел Юрка и потопал к проводнице. Еще через пару минут он вернулся. Видимо, переговоры с проводницей закончились успешно, потому что они с Мишкой забрали свои вещи и двинулись по направлению к тамбуру.

Миновав Андрея, который рассматривал их с нескрываемой насмешкой, Мишка все же обернулся и пробормотал:

– Только ты, не больно-то радуйся. Чаше смотри под ноги. А то споткнешься...

– Ладно, вали, вали, – беззлобно сказал Андрей.

Они ушли.

– Все это было бы довольно весело, – пробормотал Андрей. – Не будь так грустно...

«А не испить ли мне кофейку? – подумал он. – В самом деле?..»

Сказано – сделано.

Он отправился к купе проводников и, заглянув в него, весело спросил у Тома, читавшей книгу Чейза:

– Девушка, а девушка, не напоите ли чайком скучающего мужчину?

Та оторвалась от книги, несколько секунд, все еще находясь среди героев детектива, непонимающе смотрела на него, потом кокетливо улыбнулась:

– Конечно, отчего же не напоить? А ты и вправду скучаешь?

– Честное слово! – Андрей театральным жестом приложил руку к сердцу.

– Ну-ну, – засмеялась она. – Тебе как, с сахаром?

– Мне послаще, – томно протянул Андрей. – Я послаще люблю.

– Все вы любите послаще, – беззлобно пробормотала Тома, доставая из шкафчика стакан в алюминиевом подстаканнике. Достав вслед за ним пакетик растворимого чая и банку с сахаром, она поинтересовалась: – А эти, двое, что в купе с тобой ехали, почему так быстро сорвались? Или ты им как сосед не понравился?

– Откуда я знаю? Дела у них какие-то, – пожал плечами Андрей. – Ну и жизнь пошла. У всех дела какие-то, дела...

– Можно подумать, у тебя их нет, – хихикнула проводница и проскользнула к титану, на секунду прижавшись к Андрею, да так, что он ощутил тяжесть ее выдающейся груди.

– Вот истинный крест, совершенно никаких, – дурашливо перекрестился Андрей. – Я – птица вольная. Где хочу, там и трещу крыльями. Сейчас вот здесь, завтра – где-нибудь в другом месте. Это называется – свобода.

– Уж будто, – хмыкнула она, наливая в стакан кипяток из титана. – Кем ты хоть работаешь-то?

– А угадай! – предложил Андрей. – Вы, проводницы, должны разбираться в людях, как никто другой.

– Не знаю, – ответила она. – Просто не знаю. Глаза у тебя странные. Вот ты вроде смеешься и шутишь, а взгляд у тебя цепкий, внимательный. Все видишь, все замечаешь. Не милиционером работаешь, случайно?

– Упаси боже, – Андрей осторожно, чтобы не расплескать чай, принял у нее из рук подстаканник. – Милиционеры – они на службе. Какая же это свобода? Нет, к милиции я никакого отношения не имею.

– Ну и хорошо, – промолвила Тома. – Не люблю я их. За что – не скажу, а не люблю, и все. С вас семьсот рублей.

– Сейчас, – Андрей выудил из кармана тысячную бумажку и вручил ее проводнице. – Сдачи не надо.

– Ох, ох, какие мы важные, – теперь уже откровенно засмеялась она. – А все-таки, где ты работаешь?

– Ни скажу. Ни за что. И не проси. – Андрей ей слегка подмигнул. – Вот приходи в купе поговорить, может, и узнаешь.

– Ой, ты хитрый, – махнула Тома рукой. – Знаю я эти приглашения. И вообще... ты к уголовному миру, случайно, отношения не имеешь? Кажется мне, что имеешь.

– Ну, тут ты ошиблась, – улыбнулся Андрей. – Абсолютно никакого. Ну, погляди на меня внимательно, какой я уголовник?

Тома быстро окинула его взглядом и сказала:

– Да, не похож. Хотя, что-то есть... Что-то такое...А?

– Ни сном, ни духом. Честное слово. Ну так как, придешь?

– Да некогда мне, – уже серьезно сказала она. – Тут контролеры рыскают. Не знаю, может быть потом...

– Заходи, я буду ждать, – еще раз пригласил Андрей.

Проводница хихикнула и проворно, как мышка в норе, скрылась в своем купе. А Андрей осторожно, стараясь не расплескать чай, пошел в свое. Вагон ощутимо болтало.

Глава вторая

Он вошел в купе, поставил на откидной столик стакан с чаем и, закрыв за собой дверь, уселся на свое место. После этого раздвинул занавески на окне пошире и задумчиво отхлебнул из стакана.

«Итак, проводница, – подумал он. – Так ли все просто и случайно и так ли безобиден этот с ней разговор? Каталы наподобие Миши и Юры, как правило, действуют, заручившись поддержкой проводника. Без этого им тугο. Конечно, если каталы засыплются по-крупному, то он сделает вид что первый раз в жизни их видит. Если же все пройдет гладко, без сучка, без задоринки, то он получит некоторое количество денег. Так что, получается, я лишил эту проводницу довольно приличного приработка. А после этого дал ей на чай триста рублей. Забавно! Она, наверное, посчитала это тонким издевательством... Или не посчитала».

Он снова отхлебнул из стакана.

Ему было приятно вот так сидеть в купе одному и пить чай, собственно, не думая ни о чем. Вот когда он приедет в Москву, там ему придется обдумывать любую мелочь и рассчитывать каждый шаг. Но это будет еще нескоро... Завтра. А сегодня пока пустое купе, вечер и одиночество.

Что еще нужно для полного умиротворения?

Прежде чем лечь спать, не забыть закрыть дверь на защелку. От непрошенных гостей.

А за окном пронесившийся мимо лес уже тонул в темноте, пока только захватившей его. Ничего, через полчаса она воцарится окончательно и тогда придет ночь.

Что дальше? Допить чай, тупо завалиться на полку и продрыхнуть до самой Белокаменной? Конечно, это было бы самым разумным, но не хотелось. Потому, что завтра уже это ощущение свободы кончится. Начнется работа. А сейчас... неплохо бы развеяться.

Как? А проводница?

«Да ты спятил, – сказал он себе. – Самое худшее, что ты мог придумать, это завязать интрижку с проводницей. Тебе сейчас надо доехать до Москвы без всяких происшествий. Незаметно, незаметно. Слившись с толпой. И, уж во всяком случае, никоим образом не обращать на себя внимание проводниц. Если кто-то захочет установить твой маршрут, неважно кто, то проводница может оказаться тем человеком, который вспомнит, где ты сел. А стало быть, тот, кто ее расспросит, сможет определить где твое убежище, где ты на самом деле живешь».

Это было правильно, это было разумно. Вот только он уже знал, что зову рассудка в данном случае он не последует. А, кроме того, эта проводница его и так запомнила. Уже. Так какая разница, если она запомнит его чуточку лучше?

Андрей мысленно себе подмигнул.

Все правильно. Охотник на тропе войны. Вот только не сейчас, немного погодя, часика через три, когда другие пассажиры немного подуспокоятся.

Он допил чай и стал смотреть в окно. Темнело просто катастрофически быстро. Теперь мелькавшие за окном деревья и крохотные разъезды, как правило, состоящие всего из нескольких домиков, казались всего лишь призраками настоящих деревьев и домов. Словно там, за окном, был экран телевизора и кто-то уменьшил яркость почти до минимума.

В коридоре то и дело слышались шаги, неясные возгласы. Наступило время, когда большинство пассажиров вагона, вдруг оживившись, заторопились либо в туалет, либо за чаем, либо в тамбур – покурить. Через полчаса они сядут ужинать. Вытащат завернутых в газету, похожих на хорошо разрисованные муляжи из анатомического кабинета вареных куриц, неизменную колбасу, соленые огурчики, сплюснутые, жирные пирожки. И будут их поглощать. И будут от этого счастливы. Потому что будут делать то, что нужно, в нужное время и в нужном месте. И в этом для них смысл жизни.

«И поэтому бог с ними, со всеми. Не стоит об этом думать, – сказал себе Андрей. – Это их жизнь, и мне до них нет никакого дела. Совершенно никакого. Лишь бы они меня не трогали. А уж я их не трону, это точно. Мне это ни к чему».

Он наклонился к окну еще ниже, так, что почувствовал лбом холод стекла, и вдруг так, словно открылись какие-то невидимые запоры, вспомнил первого человека которого убил.

Было это два года назад. Именно тогда все и началось.

Он усмехнулся.

Собственно говоря, история совершенно банальная.

Правильно ли он тогда поступил? Кто знает? Он и сейчас не был в этом уверен. Одно он знал совершенно точно: это сделано и исправить уже ничего нельзя. Так какой смысл без конца сожалеть или наоборот, чем-то гордиться? Собственно, и гордиться-то было нечем.

Просто ему подвернулся случай отомстить. И он отомстил, действуя по наитию, не задумываясь о последствиях, ничего не просчитывая.

«Так ли?.. – возразил он себе. – Случайно ли это было?»

Резко отодвинувшись от окна, он откинулся на спинку сиденья и сам же себе признался: «Нет, не так».

Если точнее: не совсем так. Да, в момент убийства он действовал по наитию, абсолютно себя не контролируя. Но куда деть купленный заранее пистолет, который он таскал в купленной вместе с ним же кобуре под мышкой? И еще, эти прогулки... Раз в два-три дня неспешным шагом мимо того места, где он все-таки подкараулил свою жертву. Два месяца подряд. И ведь не каждый день, а именно раз в два-три, чтобы никто не обратил внимания. Мало ли кто время от времени появляется возле овощного магазина? Если каждый день – дело другое. Так можно и примелькаться. А так, простой опрос свидетелей. Как результат – фоторобот. Возможное опознание. Потом определение, что причины для убийства он все же имеет. И тут все – капкан захлопнется. Извольте бриться.

Он взял со столика стакан, зачем-то вынул его из подстаканника, повертел в руках и водрузил обратно на стол.

Да, его не поймали. И это было не случайно. Или – все же случайно?

Он вздохнул и занялся тем, чем ему заниматься не совсем хотелось. Правда, он понимал, что это было нужно. Он знал, он чувствовал, что именно сейчас это было нужно, поскольку давало опыт, а стало быть, могло пригодиться. Он занялся анализом того, первого убийства, с высоты последних двух лет.

Хорошо, разбирать так разбирать. Извольте.

Итак, предыстория: жили-были... Нет, не так: в маленьком городке рядом с большой зоной жил самый обыкновенный парень. В школе ничем особенным не выделялся. Учился, естественно, на четверки, но твердые, без натяжки, занимался спортом. Сначала ходил на борьбу, потом увлекся боксом. Таких экзотических секций, как карате, в маленьком городке на Урале не было. Может, это и к лучшему...

Бокс Андрею нравился. И он увлекся было им всерьез, даже участвовал в республиканских соревнованиях. А потом закончил школу, сходил в армию, и как отрубило. Появились другие заботы. Например, как заработать хлеб насущный? Ответ был прост: работать. Да только где? На дворе бушует перестройка. Пристроиться в какую-нибудь контору, так нужны корочки о высшем образовании. На завод? Тоже – не дело. Под шумок перестройки и радостные крики мелкие заводики в их городке тихо и мирно закрываются. Тут старым, опытным рабочим мудрено удержаться, а кому нужен молодой да неопытный? Его ведь еще учить надо. Да и потом, не того ему хотелось. Мечталось о чем-то большом. Тут и матушка умерла. Отец-то лежал на кладбище давно, уже лет десять.

Плюнул Андрей на все, попросил родственников присмотреть за домом и с юношеской бесшабашностью, прихватив кое-какие сбережения, подался в Москву. Завоевывать. Искать место под солнцем. И нашел. Правда, все получилось не совсем так, как он рассчитывал.

Кстати, почему именно в Москву? А черт его знает. Хотелось. Вот только до Москвы он не доехал. Совсем чуть-чуть. Купе. Неожиданная попутчица. У них было чуть больше суток, и этого времени им хватило. Короче, на той станции, на которой она должна была выйти одна, они сошли вместе. И все уже было ясно, все обговорено.

Звали ее Марина. Одна из тех девушек, которым так идут узкие брючки и широкий длинный свитер. Она любила стихи Цветаевой, курила длинные тонкие «дамские» сигареты и была жутко самостоятельной. Лебедь и гадкий утенок.

Родителям ее он не понравился сразу. Еще бы, их интеллигентная птичка – да с каким-то простым парнем. Конечно, он и спортсмен (что предполагает здоровое потомство), и сам, вроде не глуп, но все же... все же... серая кость... Б-р-р...

Впрочем, ничего такого они вслух не говорили. Приняли возлюбленного единственной дочери холодно-радушно и стали ждать, когда та одумается.

А она не одумалась, не собиралась она одумываться.

Начались интриги, тщательно демонстрируемое ледяное презрение (естественно, к нему. Она-то тут при чем? Она – дочка, дочурочка, глупое, несмышленное дитя), наговоры и прочие, прочие штучки, на которые способны родители, когда не хотят, чтобы их ребенок испортил себе судьбу.

Единственное, чего они добились, это того, что молодые сняли втихаря квартиру у одного знакомого, который рванул за длинным рублем на Север, и в один прекрасный день на нее переехали. Родители внешне отнеслись к этому спокойно. Ничего, вот поживет Мариночка с ним одна, хлебнет его крестьянских замашек, и прибежит обратно. Может быть, это даже нужно для того, чтобы она поняла, какая сложная штука жизнь и как все в ней трудно достается.

Конечно, трудно. А вы как хотели? Только возвращаться к родителям Марина и не думала, а начала спешно обустраивать свою жизнь. Работала она при каком-то кооперативном издательстве, пристроила туда же и Андрея, шофером к шефу. Зарплата была неплохая, опять же машина в распоряжении. Время от времени можно и подкалывать.

Короче, так они прожили полгода. Родители Марины регулярно наведывались, проверяли: не пора ли заканчивать это хождение замуж? Нет, не пора. Не хочет. Что ж, подождем.

Ждали. И дождались...

Аккурат через полгода их с Андреем совместной жизни Марина как бы между прочим сообщила своим родителям, что ждет ребенка. Те выпучили глаза. Все, приехали!

Что тут началось – ужас! Мать в слезы, отец забушевал. Как же так, ведь они еще молодые! Им еще надо на жизнь заработать! Этого будущего ребенка, его ведь надо кормить, поить, одевать. А на какие шиши? Ну да, конечно, заработаете... Только оглянитесь вокруг, живете-то в чужом доме. И всего имущества-то вашего – полка с книгами да то, что в шкафу висит. Не слишком ли много еще нужно заработать? Мы то думали, ты за Вадика выйдешь. Вот он уже директор фирмы, да не какой-нибудь, а инвестиционного фонда. А ты...

Ладно, побушевали-побушевали, а делать-то нечего. В конце концов отец все же спросил:

– Регистрироваться-то будете?

– А зачем? – спросила дочь. – Нам и так хорошо.

– Дура, а алименты, если что? – в сердцах вспылил отец.

– А мы разводиться не собираемся, – все также непосредственно ответила Марина.

И вот тут уже колесо дало обратный оборот. Ладно – видимо, решили родители, – раз уж бардак, то организованный и по плану. Черт с ним, с этим парнем, пусть будет он. Ради счастья дочери мы потерпим и это.

Кстати, надо сказать, что папаня у Марины был и в самом деле большим человеком. Что-то он где-то нажал, кому надо, позвонил, переговорил еще с кем-то, и результаты не заставили себя ждать.

Регистрация состоялась через неделю, с цветами, шампанским, кортежем автомобилей, обширным застольем, на которое пригласили кучу нужных гостей, а также всех друзей и подружек невесты. Короче, все по первому разряду.

Через неделю после свадьбы молодым была предоставлена двухкомнатная кооперативная квартира, в которую они и въехали. Родители потеплели и уже посматривали на мужа дочери как на собственность, прикидывая, как бы получше его использовать. Все-таки рабсила простаивает, надо с нее что-то получить. С паршивой овцы – хоть шерсти клок.

Да только обломилось и в этот раз. Ни в какие фирмы по протекции папаши Андрей устраиваться не стал. Принципиально. Работал по-прежнему – шофером.

Тут и полоса неудач подоспела. Да еще какая! Только держись. Началось все с того, что издательство, в котором они работали, закрылось. Не то чтобы резко, с треском и шумом. Нет, медленно сошло на нет, угасло, как чахоточный больной, в последней стадии. Когда Марине и Андрею третий месяц не заплатили зарплату, они посоветовались и решили, что ей все равно до декретного отпуска осталось – рукой подать, а вот ему надо устраиваться на другую работу. Тем более, что денег теперь потребуется больше – еще и на маленького.

Сказано – сделано. Правда, в данном случае оказалось легче сказать, чем сделать. Опять небольшой городок, и те же самые проблемы с работой. А потом ему на глаза попало объявление в газете. Как водится, требовались молодые, здоровые, служившие в армии, желательно спортсмены. И приличная зарплата. Называлось это ОМОН, и он туда, в этот ОМОН, пошел. Молодой, здоровый, служивший в армии. И его взяли. А как же иначе?

Родители Марины опять повозмущались, но как-то вяло, для порядка. А для него началась новая жизнь. Приказы, обмундирование, правда, не армейское, но все же... тренировки, тренировки... учеба... стрельбы... и снова тренировки.

А еще через месяц у Марины случился выкидыш. Всего и нужно-то было, что поскользнуться в гололед и неудачно упасть. Вот это уже была трагедия. Ребенка врачам спасти не удалось. И вообще теперь они не гарантировали, что у нее вообще когда-то еще могут быть дети. Организм у нее оказался такой. С женщинами это бывает.

Андрей сбился с ног, разрываясь между тренировками, дежурствами, и больницей, а потом и домом, в котором были она и ее несчастье. Это было ужасное время, но они его пережили. И не поссорились, не охладели друг к другу, наоборот, стали еще ближе, хотя, казалось, и так были близки, дальше некуда.

Время, как известно, лечит все. Особенно когда ты молод и у тебя еще есть надежда на лучшее. Она у них была. Постепенно, постепенно Марина очнулась и, словно взломавший асфальт тоненький росток, потянулась к солнцу. Появилась даже надежда, что вот скоро накопим денег и, кто знает, проведем какой-нибудь дорогой курс лечения. Марина регулярно проверялась в больнице. И врачи со временем стали говорить, что чем черт не шутит. Правда, денег, в связи с тем, что началась инфляция, накопить не удавалось. Но надежда была. В конце концов, не вечно же эта инфляция будет продолжаться.

Друзья и подруги, конечно, у Марины были. Поначалу они на Андрея косились, все-таки он был не их круга, но потом, со временем, как-то так получилось, они стали его воспринимать, признали своим, ну не то чтобы окончательно и в доску своим, но своим терпимо, своим не раздражающе.

На большее он не рассчитывал, большего ему и не хотелось. У них была несколько другая жизнь, которой он, конечно же, не понимал, но все же осуждать не решался. Хотя и мог бы. Уж слишком как-то безалаберно, бездумно они жили, легко и весело, оценивая каждое событие

по каким-то своим, не совсем понятным ему законам. Короче – «золотая молодежь». Что с нее взять?

Правда, было среди знакомых Марины и несколько вполне серьезных, дельных людей, с которыми у него отношения сложились лучше. Особенно с Витькой Дегиным. Бывший одноклассник Марины. Родители в разводе. Папаня жил в Москве, мамани уже нет, умерла. Учился и жил у тетки. После окончания школы переехал к отцу, которого вскоре и похоронил. Нашел в Москве работу, судя по всему, довольно хорошо оплачиваемую. Что за работа, он так толком и не объяснял, все отшучивался, да отмалчивался. Ну да это было не так уж и важно. Просто у них был друг семьи, который время от времени на пару недель накатывал в их город отдохнуть, развеяться, попить вина. Был он большой, серьезный, говорил редко, но метко и вообще производил впечатление исключительно положительного человека. Кстати, оказалось, что он в прошлом тоже занимался боксом. На этом они с Андреем и сошлись, сразу как бывшие спортсмены почувствовав друг к другу доверие.

Каждый раз во время этих своих наездов Виктор приглашал их с Мариной приехать к нему в Москву. Благо это так близко. Так что же вы?.. Они и поехали. Как раз когда исполнилось три года совместной жизни. Так совпало, что Андрей был в отпуске. Ну, а дата есть дата. И почему бы не съездить на пару дней, не развлечься, не походить по ресторанам, не доставить жене приятное? Поехали.

Как и обещал Виктор, все было в лучшем виде. Квартира у него была шикарная, огромная старинная. И вообще все у него было по высшему разряду. Виктор им обрадовался и тем же вечером повел по ночным клубам и ресторанам, благо их к этому времени расплодилось в Москве немало. В общем, повеселились.

А утром, когда проснулись, Виктор уже куда-то ушел. На столе лежала записка: «Вернусь в пять часов. Никуда не уходите. Будет кое-что интересное». Сказано ждать? Мы подождем. Они сели завтракать и тут выяснилось, что кончился хлеб. Продукты у них, как правило, покупала Марина. Она и тогда быстро подхватила и побежала в магазин, благо он был недалеко. Виктор им вчера его показывал.

Вот и все. На этом их счастливая жизнь кончилась. Свидетелей происшествия так и не нашли. Судя по следам, сбившая ее машина притормозить и не пыталась. Что за машина – кто знает? Мало ли их в большой Москве. Короче, убийцу так и не нашли.

И начался ад.

Андрей плохо запомнил эти несколько дней, когда ему пришлось вместе с Виктором метаться по больницам и моргам. Нашли. Опознали. Отвезли гроб в родной город и похоронили. Конечно, Виктор, а потом и друзья Марины здорово помогали. Да ему-то тогда какое было до этого дело? Родители Марины его, как водится, проклинали. Дескать убил, погубил нашего птенчика. Короче, и слышать о нем не хотели. Друзья и подруги жены некоторое время еще по старой памяти появлялись, пытались тоже как-то помочь. Да куда там? Запил он, что и говорить, крепко запил. И они постепенно перестали появляться, забыли, вычеркнули из своей жизни. Несильно-то он и был нужен. Теперь. Без нее. Пьющий.

Как следствие – пришлось уйти с работы. И так три месяца, ни дня без бутылки. Дошел. Опустился. Друзки появились – собутельники.

Но тут появился Виктор. Походил по захламленной квартире, понюхал прокисший воздух, посмотрел на похмельного Андрея и сказал:

– Вот что, парень. Отвезу-ка я тебя, пожалуй, к себе, в Москву. Пропадешь ты здесь.

И отвез, несмотря на отнекивания, несмотря ни на что. Поселил у себя дома, ухлопал неделю на то, чтобы привести более-менее в норму, не отходя от него ни на шаг, терпеливо выслушивая галиматью которую он нес, не давая сильно напиваться. А потом как-то вечером усадил напротив себя и сказал:

– Знаешь, я тут по своим кое-каким каналам навел справки. Связи у меня есть... Короче, похоже, я знаю, кто убил Марину.

– Что? – не поверил Андрей.

– Тише, тише, не шуми. Я знаю, кто убил Марину. Только так получилось, что ничего сделать с этим убийцей нельзя. Ничего.

– Как это? – не понял Андрей. – Почему? А что же милиция?

– Да все просто, все очень просто, – криво ухмыльнулся Виктор. – Ничего не докажешь, бесполезно все это. И милиция тут ничего делать не будет. Были и свидетели, да молчат и ни за что рта не раскроют. И милиции заплачено, очень большие деньги заплачены. И даже к бандитам не обратишься. Поскольку кто мы такие? А у него одна из самых сильных «крыш» в городе. Так что...

– То есть, как это? – вскипятился Андрей. – Не понимаю. Его же хватать надо. Его же убить самого мало.

– Конечно, мало, – вздохнул Виктор. – Да только ничего с ним сделать нельзя. Не возьмешь его, и доказать ничего не удастся. Ничего не поделаешь. Разуй глаза – не видишь что ли? Мы живем в уголовном государстве. Закона в нем нет и не будет еще долго. Закон здесь тот, кто имеет силу. А у него, сила такая, что нам с ним тягаться нет никакой возможности. Приедут его мальчишки, порежут нас здесь, в этой самой квартире, и на этом все кончится. Вот так-то.

– Да кто он, в конце концов? – Андрей грохнул кулаком по столу. – Говори!

– Как кто? – переспросил Виктор. – Слышал о «новых русских»? Вот он этот «новый русский» и есть. Обычный бизнесмен. И не хотел он вовсе твою Марину сбивать. Просто выпил да и не справился с управлением. Это с ними, теперешними скоробогатиками, случается. Ездить не умеют, а машины себе берут быстрые, иностранные. Как же, престиж!

В тот вечер они говорили долго и пили, пили, пили... А среди ночи Андрей проснулся и долго лежал, глядя в потолок, беззвучно шевеля губами, словно разговаривая с кем-то невидимым.

Пить он бросил. На следующий же день. Отлежался, несколько дней борясь с похмельем. А когда пришел окончательно в норму, попросил Виктора устроить куда-нибудь на работу. Тот и устроил. Все так же, шофером.

Андрей снял однокомнатную квартиру и переселился в нее. А через неделю снова явился к Виктору.

– Знаешь что, – сказал он, тщательно избегая глядеть ему в глаза. – Может, ты мне этого гада все же покажешь? Поглядеть Мне на него хотелось бы.

– Показать-то – покажу, – ответил Виктор. – Да только ты должен мне обещать что ни бросаться на него с кулаками, ни устраивать скандала не будешь. Глупо это и к добру не приведет.

– Вот это я тебе обещать могу, – твердо сказал Андрей и наконец-то взглянул другу в глаза.

И было в этих глазах что-то, что Виктор отвел свои первым. Посмотрел на часы и будничным тоном проговорил:

– Поехали. По моим расчетам, он должен быть сейчас в одном месте. Где? Увидишь.

И Андрей увидел.

Обыкновенный магазинчик. Арбузы, дыни, яблоки и вечные бананы. Короче, захудалый овощной магазин, наполненный разнообразными, по большей части кислыми запахами, тщательно что-то выбиравшими старушками, средних лет женщинами с бледными, озабоченными лицами.

Андрей и Виктор потолкались у прилавка, словно рассматривая ценники, перешли к корзинам с капустой и морковкой.

– Ну? – напряженно спросил Андрей.

– Да тише ты, – прошипел Виктор. – Делай вид, что выбираешь. Он сейчас появится, должен появиться.

– А ты уверен?

– Не был бы уверен, не привез бы... Он здесь в это время каждый день появляется. Проверяет.

И точно, не прошло и пары минут, как из глубины магазина, со стороны служебных помещений, появились двое: высокая, дородная женщина в белом халате, видимо, заведующая, и низенький, худой, как четырнадцатилетний пацан, мужчина в дорогом костюме.

– Этот, – шепнул Виктор.

– Этот? – удивился Андрей.

– Да тише ты. И не пялься так, гляди спокойно.

– Не может быть, – прошептал Андрей.

А сам уже знал, что может, что вот здесь, в паре метров, он, убийца Марины, стоит, скалит зубы, морщит худую мордашку с ненатуральной, словно бы приклеенной, жидкой бородашкой, щурит блудливые глазки и живет, живет... падла, а она уже там, откуда возврата нет.

Они вывалились из магазина и сели в машину.

– Ну, ты, брат, меня и напугал, – сказал Виктор. – Я думал, еще немного, и ты его прямо там, в магазине, голыми руками задушишь...

– А надо бы... – пробормотал Андрей и, вытащив из кармана пачку сигарет, закурил.

Они помолчали.

– Слушай, – наконец сказал Андрей. – А вот пистолет ты достать можешь? Абсолютно новый, без номера.

– Это зачем? – сделал вид, что не понимает, Виктор.

– Надо. Для защиты. Сам понимаешь, на машине ежжу. Всякое бывает. Вдруг шпана приважится? Я ее и пугну.

– А-а-а... Понятно. А ты глупостей не наделаешь?

– Какие глупости? – ухмыльнулся Андрей. – Разве я похож на человека, который может наделать глупости?

Виктор окинул его оценивающим взглядом и пробормотал:

– Не похож.

– Ну так как, достанешь?

– Нет, – покачал головой Виктор. – Доставать я его тебе не буду. А вот адресок, где достать можно, дам и, что при этом нужно сказать, научу.

– А мне большего и не надо, – сказал Андрей, поворачивая ключ в замке зажигания...

Через несколько дней Андрей обзавелся пистолетом и привычкой раз в два-три дня в определенное время останавливать свою машину, не доезжая пары кварталов до одного овощного магазина, и неторопливым шагом, словно прогуливаясь, проходить мимо него. Возвращался он всегда окольными путями, чтобы не примелькаться...

На этом, собственно, прелюдия и заканчивается.

Глава третья

В дверь купе постучали.

– Да, да, войдите! – крикнул Андрей.

Это была, конечно же, проводница. Она улыбалась.

– Можно, стаканчик забрать?

– Конечно, конечно.

– Еще чегонибудь?

– А что вы можете предложить?

Она захихикала.

– Ну, много чего... – протянула она

– В таком случае, мне «много чего». Сколько это будет стоить?

Вот тут она стала серьезной.

– А вам хочется?

– Угу, – кивнул он.

– Тогда попозже... попозже... Хорошо?

Их глаза встретились.

– Договорились.

– А пока?.. – выжидательно посмотрела на него проводница.

– Кофе... Кофе у вас есть?

– Есть. Две тысячи.

– Ну, так и принесите.

– Через пять минут.

Она вышла, усиленно покачивая бедрами.

Андрей слегка побарабанил пальцами по столу, потом встал и пошел в тамбур. Там уже стояла какая-то парочка. Плюгавый мужичишка с рябой, словно на ней горох молотили, физиономией и расплывшаяся баба лет тридцати пяти, в обвислом, застиранном трико. Между затяжками они страстно, взасос целовались.

Отвернувшись, Андрей прикурил сигарету и, неторопливо покуривая, стал вспоминать дальше.

Итак, на этом прелюдия кончилась.

Он даже не знал, как зовут убийцу Марины. Собственно, это его и не сильно интересовало. Какая разница? И что это могло изменить? С момента, как Виктор показал Андрею того, кто был виновен в смерти Марины, что-то внутри у него в груди заледенело, словно бы там образовалась большая ледяная глыба.

Он появлялся возле овощного магазина, словно отдавая какой-то долг, словно эти появления спасали его от того, чтобы этот лед не захватил все его тело, не съел душу, не превратил в ходячую ледышку.

Иногда он видел того, кого должен был увидеть, иногда нет. Иногда ему удавалось поглядеть, как тот садился в машину, случалось, он видел лишь, как она уезжает. Но каждый раз, когда ему удавалось подойти к убийце достаточно близко, он знал: еще рано, еще не время, еще не сейчас.

Мешало все: открытое место, близость магазина, из которого то и дело выходил народ, случайно как раз в этот момент проезжавший мимо милицейский «бобик».

Время от времени он заглядывал к Виктору. Они пили пиво у него на кухне, и друг возмущался:

– Ну, почему? Скажи, почему? Как получилось, что в этой стране какие-то люди оказались выше закона? Выше всего. Кто они, эти люди, которые обладают деньгами и могут растоптать кого угодно, безнаказанно совершить любое преступление и выйти сухими из воды лишь благодаря тому, что всегда найдется кто-то, кто захочет «взять на лапу». Закон для них не писан. Почему? Разве они умнее всех остальных? Нет. Тогда в чем же разница? Почему им можно все, почему они, не дрогнув, могут сделать с любым обыкновенным человеком все что угодно и не понести за это никакого наказания? В то же время, когда обыкновенный человек захочет покончить с ними за то, что они с ним сделали, уж тут-то господин закон будет тут как тут. И проявит оперативность и обязательно накажет. Нельзя. Я уже не говорю о том, что в первую очередь этим человеком займутся обыкновенные бандиты. Так чем же они заслужили эту избранность, эту безнаказанность? Уж не тем ли, что они более подлые, чем можно даже представить, не тем ли, что они могут сделать то, что обыкновенный человек попросту посовестится сделать даже своему заклятому врагу?

– Может быть, и этим, – говорил Андрей, прихлебывая пиво. – Может быть, и так.

– Нет, с ними надо бороться. Чтобы они хоть чего-то боялись. Только как это сделать? Приходить ночью с веревками и факелами? Не выйдет. Не та страна. Традиций линча у нас нет и не будет. Что же остается? Анонимность. Один мужчина с хорошей винтовкой приходит, делает свое дело и уходит. Кроме него, никто. За подлость, за беспредел.

– Но, говорят, у них тоже есть какой-то закон. Что за беспредел они и сами наказывают.

– И ты в это веришь? – усмехался Виктор. – Нет, брат, в этих их разборках прав оказывается в конечном итоге тот, кто сильнее, а, стало быть, способен на большую подлость. Нет, если бы у них была хоть подобие справедливости, они бы боялись хоть чего-то. А они не боятся, значит, справедливости в этих разборках тоже не бывает.

Так они разговаривали и пили пиво. За окном стояла темнота и, чутко прислушиваясь к их словам, ждала. Чего? Момент, удобного момента. И он наступил...

В тот день на Москву обрушился снегопад. Мокрый снег падал с неба сплошной пеленой, почти мгновенно строил на шляпах прохожих похожие на короны сугробы, заклепывал стекла автомобилей, окна домов.

И Андрей, направляясь к магазину, по привычке оглянувшись, не заметил на улице никого. Она была пуста. Пуст был и магазин, в дальнем конце которого сквозь витрину была видна лишь одинокая фигура, казалось, впавшей в летаргию продавщицы.

Это было как раз то, что ему нужно, те условия, которые он ждал. Он даже замедлил шаги, поскольку знал, что подобное повторится не скоро. А того, кого он караулил, не было. Была машина, а его самого не было, видимо, он задерживался внутри и не спешил навстречу своей судьбе. Андрей, чувствуя странное облегчение, миновал машину и уже хотел идти дальше. Как вдруг...

Хлопнула дверь магазина. Быстрые шаги по направлению к машине. Открылась дверца. Андрей обернулся.

Он!

И тут случилось странное, такое, чего с ним не было до этого никогда и никогда потом.

Тот кто убил Марину, еще копался, вставляя ключ в замок зажигания, еще поворачивал его, пытаясь завести мотор, а Андрей, увидев себя как бы со стороны, словно все это проделывал не он, а кто-то другой, быстро метнулся назад. Резко, словно преодолевая какой-то барьер, он распахнул дверцу автомобиля, увидел перед собой побледневшее лицо и трясущуюся от страха бородавку...

И тут время остановилось. В странной безвременной тишине он выдернул из-за пазухи пистолет, направил его в белое пятно лица-мишени и нажал на курок.

Выстрел прозвучал глухо, словно рванула новогодняя петарда. Пуля попала точно в лоб и Андрей, внутренне содрогаясь от ужаса, увидел расплывшийся по потрескавшемуся автомобильному стеклу комок крови и мозгов.

И это было все...

Быстро сунув пистолет обратно за пазуху, он огляделся. Улица была по-прежнему пустынна, только в магазине виднелся силуэт продавщицы, которая, услышав выстрел, очнулась и теперь шла к двери, чтобы посмотреть, что там на улице случилось.

И тогда Андрей, забыв закрыть дверцу машины, резко бросился прочь, совершенно машинально сообразив, что теперь кружным путем бежать уже нет никакого смысла. Он свернул за угол, запрыгнул в свою машину и, врубив мотор, резко дал газ...

Совершенно машинально, толком не соображая, что делает, он проехал несколько кварталов, свернул, проехал еще немного, свернул в другую сторону, выехал на какой-то мост, (какой, он потом так и не смог вспомнить), быстро выскочил из машины, огляделся и, убедившись, что никого рядом нет, выкинул пистолет в воду.

Теперь оставалось сделать совсем немного.

Он сел в машину, проехал еще несколько кварталов и, остановив ее, закурил сигарету, мимоходом отметив, что руки у него не дрожат.

«Почему, почему они не дрожат? – удивился он. – Ведь должны же, я ведь только что убил человека».

Но они не дрожали – и все. И вообще не было ни страха, ни нервных мурашек, не было ничего. Может быть, потому, что он теперь знал твердо – не поймают. Не могут поймать, поскольку, все было по правилам. Так, как и должно быть.

Око за око, зуб за зуб.

И все же он просидел в машине еще минут двадцать, выкурил одну за другой три сигареты и, лишь когда последняя из них, едва слышно зашипев, упала в снег, поехал к Виктору.

Тот открыл дверь и все мгновенно понял.

– Угу? – напряженно всматривался он в глаза друга.

– Да, – ответил Андрей, снимая в прихожей куртку.

Они прошли на кухню.

После второй бутылки пива Виктор спросил:

– Надеюсь, все прошло без осложнений?

– Без, – мрачно ответил Андрей, открывая себе и товарищу по следующей бутылке.

– Так что же ты невесел, друг ситный? Ну вот, справедливость наконец-то восторжествовала. Это надо отметить.

– Потом, – все так же мрачно сказал Андрей. – Все потом.

– Ну, как скажешь, – пожал плечами Виктор, – как скажешь. А то... можно было бы организовать культурную программу. Сходили бы в ресторанчик, посидели... поговорили... выпили.

– Не надо.

– Хозяин – барин. Только, вид у тебя не того... квелый какой-то. Ты парень, случайно, угрызениями совести не заболел?

– Да нет... – вяло отозвался Андрей. – Устал я что-то. Отлежаться надо. Пойду я, пожалуй.

– Ты знаешь что... – уже в прихожей сказал Виктор. – Ты только не пропадай. Хорошо?

– Хорошо.

– И вообще ты думал, что будешь делать дальше? Поймать тебя могут только по случайности. Сейчас наша родная милиция мух, как говорится, не ловит. Такие преступления они, как правило, не раскрывают. Копать будут бандиты. Но и тут чертовски мало шансов, что они

на тебя выйдут. Просто никаких. Стало быть, давай примем за гипотезу, что тебя так и не поймают. Примем?

– Примем, – согласился Андрей.

– Ну вот. Через недельку-две можно будет сказать уверенно, что пронесло. А дальше? Что дальше-то будешь делать? Шоферить? Думаешь, это профессия на всю жизнь? Сомневаюсь. Больно для тебя мелко, да и денег это занятие приносит не сильно много. Появляйся – могут быть разные варианты. Договорились?

– Хорошо, договорились...

...Окурок едва не обжег Андрею пальцы.

Он сунул его в прикрепленную к двери тамбура консервную банку, бросил взгляд на парочку в противоположном его конце. Те, совершенно не обращая на него внимания, целовались.

Ну, бог им судья.

Он вернулся в свое купе. На столике уже стоял стакан кофе.

Вот и мило.

Андрей отхлебнул из стакана. В некоторых поездах вместо кофе подают кофейный напиток, который имеет отношение к кофе примерно такое же, как канал к канализации. Но в этом – нет, кофе был настоящим, конечно, не лучшего сорта, но вполне терпимым.

Итак, это убийство. С точки зрения дня сегодняшнего. Что теперь можно про него сказать? Вопрос, конечно, интересный... И с ходу на него не ответишь. Но все же...

Во-первых, любое убийство можно разделить на три этапа. Подготовка, собственно само действие и отступление. С чего начать? Подготовка.

Итак, как оно готовилось? Тогда, три года назад, он не обратил на это внимания, вернее говоря, не думал об этом, но теперь можно сказать совершенно определенно, что подготовка была проведена не им, а Виктором. Объект убийства нашел он, выследив по каким-то своим каналам. Насчет этого сомнений быть не может. Всяческих знакомств и связей у Виктора целый мешок. Особенно если учитывать, в какой системе он работал на тот момент. А может, работает и до сих пор, кто знает? Да нет, наверняка уже не работает, поскольку то, что три года было лишь некоторой подработкой, сейчас стало основной работой.

Ладно, с этим все ясно. Пойдем дальше. Оружие? Паршивый ПМ. Нет, даже тогда для Виктора достать подобную игрушку было как два пальца об асфальт. Об этом не стоит и думать. Хотя почему бы не посмотреть на дело и с еще одной стороны?

Деньги.

Да, конечно, при наличии таких связей Виктор вряд ли платил за информацию о убийце Марины. Впрочем, все возможно. Некоторые вещи можно узнать только за деньги. Тем более что поработать ему все же пришлось. И даже очень...

Теперь-то Андрей хорошо представлял, чего стоила его другу информация, которую он добыл и преподнес ему, собственно говоря, на блюдечке с голубой каемочкой. Правда, за пистолет Андрей платил сам, но все же... Итого: некоторая сумма денег, потраченная Виктором просто так, на подготовку операции, для которой чудненько подходило название «Возмездие».

Почему он это сделал? Ответ простой: из-за Марины. Тогда, три года назад, это казалось естественным. Сейчас... Да, вполне возможно, так оно и было. Возможно... Вполне. Но все же... Кто она была для него? Бывшая одноклассница. Хорошая знакомая. Но не любовница же... Нет, конечно, нет. Если бы что-то между ними было, уж Андрей-то заметил бы это. Совершенно точно. Так, знакомая, хороший человек. Не маловато ли для таких хлопот?

Ладно, об этом он подумает потом, в следующий раз, когда будет время. А сейчас пойдет дальше.

Итак, исполнение.

Сейчас, вспоминая об исполнении, Андрей не мог не признать, что тогда, у овощного магазина, ему повезло, попросту повезло. А может, и не совсем. По крайней мере погода соответствовала тому, что он проделал все просто идеально. Ею нельзя было не воспользоваться. Он и воспользовался. В результате – полный успех.

Отступление. Вполне удачное, и опять же по причине собачьей погоды. В другое время его запросто мог бы кто-нибудь заметить, а потом опознать. Но только не тогда.

Короче, операцию можно квалифицировать как вполне удачную, особенно если учитывать, что его так и не поймали. Теперь, когда прошло почти три года, об этом можно уже вполне спокойно говорить. Его не нашли ни органы, ни «крыша» этого бизнесмена. Наверняка органы его не сильно и искали. Подумаешь, очередные разборки. Кому-то убитый не доплатил, или задолжал, или, наоборот, ему задолжали. Милиция хорошо знает, что, как правило, такие преступления раскрываются очень редко. Поэтому не сильно и старалась. Другое дело – «крыша». Вот эти ребята (он теперь уверен) искали его серьезно и долго. Они были просто обязаны его найти, чтобы подтвердить свою силу, чтобы доказать, что их подопечных безнаказанно убивать нельзя. Но не нашли.

Почему?

Наверное, потому, что он не принадлежал к их системе, не входил в их мир, потому что они не нашли точек, в которых он бы соприкасался с убитым.

Андрей провел рукой по оконному стеклу, стирая выступившую на нем влагу.

Да, если бы они сумели на него тогда выйти, не помогло бы ничто. Им было бы достаточно того, что он имел основания убить и был в это время в Москве. Но они не вышли, не догадавшись связать смерти молодой женщины и ее убийцы несколькими месяцами позже. Или все же связали, сумели? Но почему же тогда он до сих пор жив? Может быть, и тут помог Виктор? Да нет, не всемогущ же он? Нет, этого быть не может. Хотя... кто знает...

Наумов откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Любой, кто увидел бы его в этот момент, решил бы, что он собирается заснуть.

Он не спал. Он думал.

Вполне возможно, что «крыша» того бизнесмена не нашла меня лишь потому, что Виктор принял какие-то меры. Какие? Сейчас это не имеет значения. Главное – принял. Зачем? Ну понятно, если бы «крыша» нашла меня, то неизбежно это плохо кончилось бы и для него. И все же... Не слишком ли много Виктор принял участия в этом убийстве?

Подготовка, снаряжение и, наконец, в финале замечание следов.

Не слишком ли?

Сейчас можно об этом думать до посинения, но большого толка от этого не будет. Пока нет новых фактов.

Андрей знал, что они появятся, эти новые факты, стоит только их поискать. А вот тогда он обдумает все по новой и наверняка уже сделает выводы. И не праздного времяпрепровождения ради, а потому, что Виктор был его напарником. И если напарник совершает поступки, которые ты не совсем понимаешь, лучше все-таки в их причинах разобраться. Чтобы потом, через некоторое время, очередной странный поступок твоего напарника не оказался неприятным, очень неприятным сюрпризом. Только сделать это надо осторожно, так, чтобы Виктор ничего не узнал.

В том деле, которым они занимаются, посеять недоверие между двумя напарниками – проще пареной репы. Как правило, это заканчивается кровью, большой кровью.

Вот такой вариант Андрею был не нужен вовсе. А стало быть, надо между делом навести кое-какие справки, но только крайне осторожно.

Он задумчиво побарабанил пальцами по краю столика.

Вообще жизнь устроена странно. Кто бы объяснил ему, почему он вспомнил об этом деле именно сейчас, в этом поезде, и почему раньше он о нем не сильно-то и задумывался? А ведь это перевернуло его жизнь, послужило барьером, после которого он стал заниматься тем, о чем за несколько месяцев до этого и не помышлял.

Вот так. Причудливы и запутаны пути жизни. Особенно в этой стране. Особенно в это безумное время.

Однако не засиделся ли он? Может быть, стоит попроведать одну знакомую проводницу?

Прихватив со стола пустой стакан, Наумов тщательно закрыл дверь купе. Окинув коридор вагона внимательным взглядом, он двинулся к купе проводников, слегка покачиваясь в такт движениям вагона, время от времени осторожно придерживаясь рукой за поручни.

Вот и купе проводников. А в нем... ну конечно, Тома, одна-одинешенька, увлеченно читающая Чейза.

Кстати, сопляк он, этот Чейз. В жизни иногда бывают такие случаи, которые не под силу придумать даже и профессиональному писателю-детектившику, пусть даже и английскому коммунисту. Но об этом – молчок, об этом никому постороннему знать не стоит.

– Привет.

Она оторвалась от книги и вскинула на него глаза.

– Еще кофейку?

– Угу. Почему бы и нет?

– Ну нет, так нет, – засмеялась Тома. – Раз ты не хочешь...

– Да хочу я, хочу, – заулыбался Андрей.

– А скажешь, кем работаешь?

– Нет. Да и зачем тебе?

– Просто. Любопытная я, – пожала плечами девушка.

– Любопытной Варваре – нос оборвали.

– Ах так? – Она забрала у него пустой стакан. – Значит, я любопытная Варвара? Ну так забирай же свой кофе и мотай отсюда. Не приду я к тебе сегодня. Вот!

И она показала ему язык. Вполне милый, розовый язычок, девицы лет эдак восемнадцати, ну, в крайнем случае, двадцати.

Андрей вздохнул:

«О боже, чего только эти девицы своими язычками не делают».

– Что, уже пожалел о своих подлых словах? – спросила она.

– Пожалел, – признался Андрей.

– Но я буду непреклонна.

– Я тоже, – заверил ее Наумов. – Я ведь могу и прямо здесь остаться.

Сказав это, он проскользнул мимо нее в купе и уселся на сиденье.

Круто развернувшись, Тома уперла кулачки в бедра и спросила:

– И что мы будем здесь делать?

– А ничего. Сидеть, разговаривать. Хочешь, вот по руке погадаю.

– А умеешь? – недоверчиво хмыкнула Тома.

– Конечно. Только не всегда. Для этого нужно особое настроение.

Он подмигнул проводнице.

– А, так ты этот, экстрасенс? – немного разочарованно спросила она.

– Упаси боже, – серьезно сказал Андрей. – Экстрасенсы – они жулики. А я так, время от времени, под настроение. Бабка у меня кое-что в ведовстве понимала. Видимо, по наследству и передалось.

– Ишь ты, – округлила глаза Тома, и она быстренько-быстренько скользнула к нему под бочок. Протянула ладошку, прижалась к боку своим замечательным, довольно-таки твердым бюстом. – Давай гадай.

Глаза ее светились неподдельным любопытством.

Андрей вздохнул и, хитро прищурившись, взял в руки ладошку, помял, словно внимательно рассматривая линии судьбы.

«Ну, девка, – подумал он. – Сейчас я тебе нагадаю. Да так, что ты от удивления рот откроешь. А женщине что надо? Удивить ее хорошенько надо. Удалось – глядишь, она и твоя».

– Ну, чего же ты медлишь? – торопила Тома.

Андрей откашлялся.

– Ну, хорошо, слушай... – начал он.

И осекся.

В купе заглянул милиционер. Этаким здоровенный детина с опухшим лицом и тупыми глазами. На поясе демократизатор, на затылке фуражка.

– Почему в купе проводников посторонний? – поинтересовался он.

– Ой, так это так, это за кофе пришел, – быстро вскочив, засуетилась Тома, хватая стакан, сноровисто насыпая в него кофе, сахарный песок. И все это с кокетливым хихиканьем, с улыбочкой. Правда, Андрею показалось, что на секунду глаза у нее как-то нехорошо блеснули.

Хотя, может быть, и в самом деле показалось.

Он встал, забрал у проводницы стакан, сказал:

– Ничего, ничего, кипяток я налью сам.

Положив на столик две тысячи, он прошел мимо посторонившегося милиционера и стал наливать в стакан из титана кипяток. А милиционер, забыв сразу же о его существовании, по-хозяйски шагнул в купе и уселся на сиденье. Заметив взгляд Андрея, Тома закрыла дверь купе, словно отгородившись, ей словно бы ей было чего-то стыдно.

Может быть, так и было.

Идя по коридору обратно в свое купе, он подумал, что осуждать или оправдывать ее не имеет никакого права. У нее была своя жизнь, в которой действовали какие-то правила, свои законы, которые он знать не мог. А также те, кто брал взятки, и тот, кто их давал. И не обязательно взятка могла выражаться деньгами.

«Хотя я могу и ошибаться, – подумал Андрей. – Этот страж порядка мог прийти всего лишь поболтать со смазливой девчонкой и через полчаса убраться обратно».

Впрочем, в глубине души он знал, что это не так. Слишком уж по-хозяйски милиционер зашел в купе. И не было в его поведении ни капли ревности, просто прогнал мешавшего ему пассажира и тотчас же об этом забыл. К чему ревновать, если наверняка знаешь, что свое получишь обязательно, не можешь не получить?

Уже в купе, поставив на стол стакан с кофе, Андрей усмехнулся: «Эх ты, губу раскатал. А место-то занято!»

Часа через два, когда весь вагон уже спал, Андрей, на которого вдруг напала бессонница, услышал, как в том конце вагона, где было купе проводников, открылась дверь. По коридору протопали тяжелые, подбитые гвоздями ботинки и женские туфельки. Вот они дошли до соседнего купе, снова шелкнула открывшаяся дверь. Через несколько секунд в коридоре опять настала тишина.

«Резонно, – подумал Андрей. – Если на линии контролеры, то первое, куда они сунутся, будет купе проводников. Интересно, каких трудов стоило Томе организовать это пустое купе? Наверняка она прилично потеряла на этом в заработке. И все же сделала. Значит, дружба с этим милиционером ей нужна. Ой, девушка, сдается мне все-таки, не совсем ты чиста в этом деле с каталами. Не совсем. Впрочем, это твое, сугубо личное дело. Мне до этого нет никакого интереса».

Он встал и застелил постель.

Спать не хотелось вовсе. Однако в Москву он должен был приехать выспавшимся и свежим.

Закрыв дверь на защелку, он выключил свет и разделся.

Белье было слегка влажным. Ну да когда в наших поездах оно было сухим? Старая традиция этой страны.

Укладываясь на полку, Андрей подумал, что для лучшего засыпания придется посчитать слонов. Старый проверенный метод, действующий на него безотказно. На пятом слоне из соседнего купе донесся протяжный женский стон.

Андрей усмехнулся и представил, как стреляет из пистолета милиционеру прямо в лоб, а тот валится прямо в проход, растопырив руки, словно пытаясь поймать убежавшую курицу. И на лице у него будет все то же тупое, самодовольное выражение.

«Вряд ли он успеет удивиться, – подумал Андрей. – Нет, не успеет». Эта мысль его почему-то успокоила.

Через пять минут, пересчитав огромное стадо слонов, он все же уснул.

Глава четвертая

А утром была Москва.

Пробиваться через вокзальную толпу – целая наука. Это надо уметь. Конечно, проще всего отдаться людскому потоку и медленно тащиться, подчиняясь всем его завихрениям и изгибам. Несколько труднее попытаться проломиться через толпу, игнорируя какие бы то ни было правила и приличия. Тут запросто можно, в лучшем случае, услышать о себе мнение, очень далекое от лестного, и в худшем – получить от какой-нибудь особо нервной старушки сумкой по голове. Черт их знает, этих старушек. Иногда они носят в сумках довольно неожиданные предметы. Частенько твердые и тяжелые. Есть и третий вариант – просочиться.

Именно его Андрей и использовал.

Он просачивался через толпу, к одному из боковых выходов, рассыпая двусмысленные шуточки, довольно изящно раздвигая оказавшихся поблизости людей, проскальзывая между ними, не забывая дружелюбно улыбаться. Больше всего в этот момент он походил на опытного пловца, преодолевающего быструю реку. Самое главное – не останавливаться. Людская толпа казалась ему чем-то вроде цементного раствора. Стоит притормозить, и он застынет, схватит так, что застрянешь надолго.

Собственно, большой нужды в том, чтобы выйти не через главный вход, не было. Андрей сильно сомневался, что его может кто-то встречать. Но все же... все же... осторожность – это такая штука, которая не помешает никогда.

В том случае, если бы встречающие обнаружили, это могло означать только одно – крупные неприятности. А во время крупных неприятностей самой плодотворной тактикой является действовать не стандартно. Вот он и старался.

А насчет встречающих он все же проверит, обязательно проверит.

Наконец толпа была преодолена, Андрей спустился по лестнице, и свернул вправо, туда, где светились неживыми огнями витрины коммерческих ларьков. Народу здесь было не в пример меньше, чем наверху, попадались какие-то размалеванные девицы, какие-то довольно стандартно «упакованные» ребятишки с тупыми лицами, явно промышлявшие чем-то незаконным.

«Впрочем, какой промысел в этой стране в это время можно назвать незаконным? – подумал Андрей. – Разве что тот, которым я зарабатываю себе на жизнь. Да и то это еще с какого бока посмотреть. Вон волков уничтожали, уничтожали, а потом оказалось, что они санитары леса и делают полезное, нужное дело».

Он поудобнее закинул на плечо потертую спортивную сумку и остановился у ларечка, торговавшего сосисками в тесте. Хотелось чего-то перекусить.

Андрей купил пару сосисок, бутылку пепси-колы и, отойдя от киоска, прислонившись к стене, стал есть. Запивая сосиски самым известным из американских напитков, он неторопливо огляделся.

Метрах в пяти от него, неторопливо откусывая небольшие кусочки, поедала сосиску какая-то девушка. Ничего особенного в ней не было. То ли студентка, то ли школьница. Скорее всего – школьница. Студентки, они сейчас одеваются так, что дай бог каждому. А эта... В простом ситцевом платишке, стоптанных туфельках.

Интересно, что она делает здесь, на вокзале? Может, кого-то встречает? Да какое это имеет значение? А не поиграть ли?..

Андрей постарался встретиться с ней глазами. Ага, удалось! Теперь... Он улыбнулся и бросил на девушку удивленный взгляд, как будто вместо нее увидел нечто в высшей степени забавное. Похоже, вид у него был такой комичный, что девушка непроизвольно хихикнула. Теперь она уже смотрела на него с интересом, не отрываясь, ожидая, что он выкинет дальше.

А Андрей глядел куда-то в сторону, делая вид, что о ней забыл. Но вот он снова посмотрел на нее и, словно не удержавшись, тоже хихикнул. На этот раз девушка хихикала дольше.

Все было правильно и шло как по нотам. Наумова несло. Он знал, что сейчас все будет так, как он захочет, так, как ему надо. Сделав вид, что засмутился, он демонстративно отвернулся от девушки и, откусив от сосиски, тщательно запил кусок колой и, словно не удержавшись, словно это было выше его сил, снова повернулся. Вид у него был почти сердитый, словно он злился на себя за то, что занимается такой чепухой. И девушка, видимо, вспомнив о правилах приличия, стала успокаиваться. Но тут Андрей, словно еще раз увидев что-то невидимое, так его смешившее, не выдержал и засмеялся. Поспешно, покачивая головой, он отвернулся. А девушка за его спиной так и заливалась хохотом.

Быстро к ней повернувшись, Андрей замахал рукой, в которой была зажата недоеденная запеченная в тесте сосиска, и сказал:

– Все, все, больше не буду, больше не буду.

И уже стал отворачиваться, но все же, не удержавшись, искоса взглянул на девушку и хихикнул. А она, она хохотала, привалившись к грязной стене вокзала. И на душе Андрея стало тоже спокойно и радостно, словно он зарядился от этой то ли школьницы, то ли студентки непонятно откуда взявшейся радостью, словно он вернулся на десять лет назад, словно все было по-прежнему хорошо. И Марина...

Он вдруг осознал, что игру нужно заканчивать. Потому что знакомиться с этой девушкой не входило в его планы, потому, что его ждали Виктор и то, зачем Андрей приехал сюда, в Москву.

И тогда, поспешно съев остаток сосиски и допив колу, он, не оглядываясь, двинулся к выходу, прочь, прочь, к делам. Подальше от прошлого, в котором был большой риск столкнуться с призраком Марины.

Девушка смотрела ему в спину, он это чувствовал, он это знал и, поспешно уходя, напряг все силы чтобы не обернуться, потому, что знал – обернувшись он испортит все, все. Он даже не знал, что именно он испортит, просто чувствовал, что испортит – и все.

Он вышел из вокзала и, аккуратно поставив пустую бутылку у колонны, двинулся налево, к главному выходу, потому что ему все же надо было проверить. Теперь, если встречающие все-таки были (во что он не верил), то они, не встретив его, уже занервничали, уже готовы себя выдать. И стоит перед ними только пройти, как они взглядом или лицом себя выдадут.

Он добросовестно прошелся мимо входа и, убедившись, что, конечно же, его никто не встречает, двинулся прочь, от вокзала. Теперь оставалось только добраться до Виктора.

И тут сзади послышалось:

– Вот он, вот он... вот этот. Я его, гниду, сразу узнал. Голос был на диво знакомым.

Резко обернувшись, Андрей увидел в нескольких шагах от себя двух катал – Мишу и Юру. Но ему сейчас было не до них, потому что, полусогнув мускулистые руки, к нему шел здоровенный качок. И был он в метре-полутора. Был он, этот бугай очень здоровым и, похоже, тупым, а стало быть, не так уж и страшен. Но существовал еще и второй. Поворачиваясь к качку, Андрей его четко засек. Это был, казалось, совершенно невзрачный тип, в помятой кепчонке, с небритым, совершенно безучастным ко всему окружающему видом. Он был метра в десяти и заходил так, чтобы оказаться у Андрея за спиной. Правую руку он держал в кармане потертого пиджака.

«Вот этот-то самый опасный и есть, – подумал Андрей. – И к бабушке не ходи – в кармане у него перо. Стало быть, господа каталы решили отыграться. Стало быть, я им не понравился. Зря они так, право слово, зря».

– Тебе чего? – хмуро спросил Андрей у качка.

– Это, – прогудел он. – Ребята жалуются. Дерзишь, говорят. Придется, видимо, тебе расплачиваться за свое поведение.

– Сейчас расплачусь, – сказал Андрей.

Времени рассусоливать у него не было. Сзади заходил «невзрачный», и об этом он не забывал.

В следующую секунду носок ботинка Андрея врезал в самое причинное место качка. На лице у того появилось жутко изумленное выражение, и он, резко согнувшись и застонав от жестокой боли, стал валиться на асфальт. А Андрей уже развернулся и встретил «невзрачного» прямым правым. Послышался хруст сломавшейся челюсти.

Даже не удосужив взглядом упавшего «невзрачного», Андрей снова развернулся и сделал шаг в сторону катал.

– Ну, ребята, похоже, на этот раз вы меня достали.

Но те уже улепетывали во все лопатки, даже не делая попытки оглянуться и узнать, что Андрей будет дальше делать с их неумелыми охранниками.

Покачивая головой, Наумов пробормотал:

– Вот так всегда и бывает.

По очереди оглядев поверженных противников, он снова сокрушенно покачал головой и отправился дальше, прочь от места побоища. Задерживаться смысла не имело. Да и кто знает, может быть, в толпе найдется еще парочка защитничков этих жуликов? Они запросто могут, воспользовавшись привокзальной суетой, втихаря подойти и воткнуть в бок заточку.

Этот вариант ему нравился меньше всего.

Выбравшись из толпы, Андрей неторопливо оглянулся. Нет, вроде бы за ним никто не следил. Ну вот и прекрасно. Теперь можно отправляться к Виктору. Вот только надо бы его предупредить.

Он дошел до ближайшего журнального киоска, купил пару жетонов для телефонного автомата. Из трех, висевших на стене ближайшего дома аппаратов работал только один. Ну, да ему было достаточно.

Трубку подняли после восьми гудков.

– Алло! – сказал Андрей.

– А, это ты! – послышался спокойный голос Виктора, – Уже в Москве?

– Точно.

– Ну вот и хорошо. Где встретимся?

– Это тебе решать.

Несколько секунд Виктор раздумывал.

– Хорошо. Помнишь «Макдоналдс», в котором мы были в прошлый твой приезд?

– Помню.

– Там, через часик. Идет?

– Идет.

– Тогда пока все. Короткие гудки...

Все, как обычно. Никаких признаков беспокойства. Значит, у Дегина все нормально. Вот и прекрасно. Значит, «Макдоналдс». Неплохое место.

Он прошел по улице еще сотни две метров, потом остановился и стал голосовать. Почти сразу же остановился вишневого цвета, новый «Москвич». За рулем сидел здоровенный бородастый парень в кожанке.

– Ну, и куда? – презрительно оглядывая Андрея, поинтересовался он.

Тот улыбнулся.

– С тобой – никуда.

Когда Андрей захлопнул дверцу, водитель покрутил пальцем у виска, но все же уехал. А Наумов поднял руку и стал голосовать снова.

За рулем машины, которая остановилась возле него второй, сидел серьезный дядя, в серой кепочке и потертом пиджаке. Да и сама машина была далеко не новой. Правда, чувствовалось, что хозяин о ней тщательно заботится.

– Вам куда?

– Мне до «Макдоналдса».

– Возле какой станции метро?

Наверняка этот дядя хорошо представлял, где находится нужный ему «Макдоналдс». Просто он проверял, а знает ли Москву Андрей. Если не знает, то цену за проезд можно будет увеличить.

Андрей улыбнулся и подробно рассказал, где находится нужный ему «Макдоналдс». Ловко скрыв разочарование, поскольку клиент оказался не лохом, водитель сказал:

– Садитесь. Это будет вам стоить двадцать тысяч.

– Идет! – согласился Андрей, усаживаясь в машину. Они поехали. Водитель время от времени искоса поглядывал на Наумова. Похоже, ему все же хотелось разобраться:

так москвич его пассажир или нет? С одной стороны, чутье подсказывало водителю, что местным он быть не может. Но с другой стороны, откуда он тогда так хорошо знает город? Вот ведь незадача! И все же водитель никак не мог решиться спросить напрямую. То же самое чутье говорило ему, что с Андреем надо держать ухо востро. Темная пташка. Из тех, которых, похоже, сердить себе дороже. Наконец он не выдержал:

– Небось на свидание торопитесь?

– Точно, на свидание, – подтвердил Андрей.

– Красивая хоть?

– Угу.

Таксист вздохнул:

– Все они красивые и милые, пока замуж не выйдут. Вот тут-то их натура и проявляется. Андрей взглянул на него не без интереса.

– В каком смысле?

– А... – Он помедлил. – Не успеют фату снять, как начинается... Туда не ходи, этого не делай, и главное – денег, денег побольше. И сколько бы ни принес, им все мало. Ужас какой-то...

Он снова вздохнул.

– Короче, парень, тебе не повезло, – проговорил Андрей. – Жена, что ли, попалась плохая?

Таксист бросил на него испытующий взгляд, словно пытаясь определить, не шутит ли Андрей над ним, но, не заметив на его лице и тени насмешки, признался:

– Уже...

– Что уже? – не понял Андрей.

– Уже развелся. Нет, поначалу мы жили неплохо, но последние три года она как взбесилась. То не так, это тоже не так. И вообще денег я, оказывается, приношу мало. И нытье, бесконечное нытье... И потом, то на работе я, то колымлю, чтобы денег заработать, а она одна. Тоже повод понуть. Короче, плюнул я и ушел. Вот уже две недели живу у друга. Тишина и спокойствие. А она... эта стерва... я тут к ней вчера заезжал, пыталась мне в бензобак сахару сыпануть. В отместку, значит.

Он снова вздохнул и, ловко прикурив сигарету, стал рассказывать дальше:

– Я заехал к ней за пиджаком. Новый еще, жалко. Она говорит: ты тут посиди, я к подружке сбегать на пару минут. И ушла. А меня как бог надоумил, я в окно выглянул. Гляжу, а она возле машины шурует... Чуть ей морду не набил. Нет, догадалась, значит... Это ее подружка какая-нибудь надоумила. Короче, увидела она, что я от дома бегу – и ходу, ходу. Кулек с сахаром так у машины и бросила. И бензобак ведь уже открыла. Эх...

Он стряхнул в приоткрытое окошко автомобиля пепел и сокрушенно покачал головой.

– Ну все, теперь я к ней не вернусь. Ни за что, пусть хоть на коленях приползает.

– Вернешься, – уверенно сказал Андрей.

– Нет, не вернусь.

– Ну, тебе виднее...

Они помолчали.

Водитель выкинул за окно окурок и проговорил:

– И ведь самое главное, как будто этих лет, что мы вместе прожили, не было. Смотрит волком и вон какие дела делает.

– Ничего, ничего, попомни мои слова, – проговорил Андрей, – все еще наладится.

– А знаешь, мне иногда и самому хочется вернуться, – признался водитель. – Да только, вспомнишь все ее штучки, и на душе муторно становится. Нет, бог создал женщину из кривого ребра, и выпрямить ее невозможно. – Он вытащил новую сигарету, прикурил ее и, попыхивая дымком, виновато сказал: – Это, ты мои слова не больно-то слушай. Я понимаю, что у тебя наверняка и своих забот хватает... Да только выговоришься кому-нибудь, оно и легче становится.

– Ничего, – махнул рукой Андрей. – Уверю тебя, вот увидишь, с течением времени все наладится. Так уж всегда получается.

– Это верно, – согласился водитель. – Кстати, вот мы и приехали. Этот «Макдоналдс»?

– Этот, – ответил Андрей.

Расплатившись с частником, он выбрался из машины и неторопливо пошел в закусочную, в которой его уже должен ждать Виктор.

Однако, пройдя по залу и внимательно оглядев все столики, Андрей убедился, что приятель запаздывает. Ничего страшного в этом пока не было. Поэтому Андрей направился к стойке. Несколько барменш – молоденьких девушек в фирменной одежде – работали не покладая рук. Но все же к каждой из них стояла очередь человека в три-четыре. Пристроившись последним в одной из них, Андрей покрутил головой.

«Вообще-то, – подумал он, – эти закусочные были придуманы для того, чтобы в них никогда не было очередей, для тех, кто торопится и не может стоять в очереди. Так, во всяком случае, по всему миру, кроме этой страны. Нет, чем-то мы отличаемся от других наций. Загадочная русская душа, а?»

Очередь подошла быстро, и уже через пять минут, Андрей оказался перед девушкой.

– Что будете? – спросила она. Лицо у нее было сосредоточенное, серьезное.

– Черт его знает, – пожал плечами Андрей. – Мне бы вон то, чизбургер, кажется называется. И жареной картошки. И еще чего-нибудь попить. Стакан напитка. Всего по две штуки. Угу?

– Сейчас.

Девушка взяла поднос и стала накладывать на него заказанное. Руки ее двигались автоматически, лицо оставалось по-прежнему сосредоточенным, глаза глядели без всякого выражения.

Расплатившись, Андрей взял поднос, отошел от стойки и стал оглядываться, выискивая свободный столик. Надо признать, что с ними было туговато. Создавалось впечатление, что те, кто ел в «Макдоналдсе», не сильно-то и торопились. А и в самом деле, не наспех же пробовать «американский образ жизни»... Ну-ну...

Однако свободного столика все же не наблюдалось.

Андрей огорченно крякнул.

Но не стоять же столбом посреди закусочной? Надо было куда-то приткнуться хотя бы на несколько минут. Подойдет Дегин, там, глядишь, какое-нибудь место и освободится.

Наумов еще раз прошелся по залу и, углядев столик, за которым сидели две средних лет, о чем-то оживленно разговаривавшие дамы, направился к нему. Дамы уже допивали напиток. Судя по всему, минуты через две-три они уйдут, и место можно будет занять. Расположен столик был очень удачно, несколько на отшибе от других. Это Андрею подходило.

– У вас свободно? – поинтересовался он.

– Да, да, – ответила одна из дам, та, что была одета поэлегантнее и даже имела на шее массивную цепочку, явно не из «самоварного золота».

– Вот и прекрасно.

Андрей сгрузил поднос на столик и, усевшись за него, отхлебнул из пластмассового стаканчика. Напиток был как напиток, очень холодный и довольно вкусный. А дамы за его столиком все щебетали и щебетали. Та, что была одета получше, говорила без остановки, так что ее собеседнице, удавалось лишь иногда вставить краткие замечания, типа: «Да ну?», «Ах, как это у вас здорово получается!» и «Что вы говорите!».

Наумов невольно прислушался к их разговору.

Смысл беседы сводился к тому, что та дама, которая была одета поэлегантнее, рассказывала своей подруге о том, как она здорово устроилась. И то, что они уже охватили новый регион, и то, что теперь надо расширяться и расширяться. Она толковала о том, что поле деятельности пока неограниченное, надо только «суметь вовремя охватить людские ресурсы». Подружка ахала и охала и смотрела на свою собеседницу не без восхищения. А та, понизив голос, как великую тайну сообщила, что дела идут настолько хорошо, что им с супругом даже удалось кое-что отложить, да не у нас, а, «там». Само собой подразумевалось, что подружка понимает, где это «там». И та понимала, восхищенно прикладывая ладонь к губам и оглядываясь, словно кто-то их мог подслушать. При этом присутствие Андрея они откровенно игнорировали, словно бы того не существовало в природе вовсе.

Минут через пять Наумову этот спектакль надоел. Кроме того, увлеченные разговором дамы, видимо, вовсе не собирались уходить, и это уж начинало становиться некоторой проблемой.

Когда дама с цепочкой выдала фразу: «Правильная обработка масс всегда приводит к положительному фактору решения проблемы сбыта и благотворно влияет на прохождение дальнейших контактов в других регионах», – он не выдержал и спросил:

– Извините, вы, случайно, не гербалайфом приторговываете?

– Гербалайфом? – презрительно фыркнула дама с цепочкой. Вид у нее сразу стал таким, словно бы при ней сказали что-то неприличное. – Нет, мы не торгуем гербалайфом. Мы несем в мир другой продукт, гораздо более эффективный и качественный.

– Марихуану, что ли? – спокойно спросил Андрей. Дама задыхнулась. Несколько секунд она хватала от негодования ртом воздух, потом прошипела:

– Да как вы смеете сравнивать наш благородный продукт и какой-то... какую-то...

– А что такого? – пожал плечами Андрей. – Разницы-то почти никакой нет. По крайней мере схема распространения одна и та же.

Уже овладевшая собой дама смерила его ледяным взглядом и, видимо, решив, что спорить и что-то доказывать смысла не имеет, быстро допила напиток. Ее подруга сделала то же самое. После этого, презрительно фыркнув, она спросила у своей подруги:

– Уходим?

– Ну конечно... – Та едва не поперхнулась, поспешно допивая из своего стаканчика.

Через полминуты столик был целиком и полностью в распоряжении Андрея. Глядя на удаляющихся дам, у которых, казалось, даже спины выражали презрение к нему, Андрей слегка улыбнулся.

Господи, сколько их, всяческих шарлатанов, расплодилось в нашей стране? Словно поганок после грибного дождика. Бабки – народные целительницы, изгонятели дьявола, контак-

теры с альфа Центавра и теперь еще эти – фанатики гербалайфа и прочих, аналогичных ему препаратов. Конечно, может быть, этот гербалайф и способствует похудению и даже действует на организм благотворно, но, скорее, все временно, пока ты его принимаешь. Перестал – и, пожалуйста, все благотворные воздействия исчезли. Чем не наркотики, только без таких разрушительных последствий? Тем более что система распространения этого «продукта» и в самом деле скопирована с системы распространения марихуаны и прочих наркотиков.

Наумов снова отпил глоток напитка, не спеша обвел взглядом зал и увидел Виктора Дегина. Тот, улыбаясь, шел к его столику. И Андрей тоже улыбнулся.

Уж Виктор-то соответствовал этой американской закусочной на все сто процентов. На нем были синий костюм от Рики Понти и хорошие дорогие туфли. Волосы у него были перехвачены за спиной в хвостик под Стивена Сигала. Андрей, в своей потертой джинсовой ветровке и стареньких кроссовках, не шел с ним ни в какое сравнение.

Он шествовал, он шел по закусочной, и многие дамы бросали на него заинтересованные взгляды. Еще бы, кроме шикарного костюма Виктор мог похвастать ростом выше среднего, широкими плечами и волевым лицом с мужественным подбородком. В общем, настоящая мечта современной женщины. Мужественный бизнесмен, который покинул офис на полчаса – перехватить чизбургер. В соответствии с образом вид у Дегина был сосредоточенный, словно бы он прокручивал в голове какую-то сложную сделку, на которой должен был заработать еще несколько миллионов, да не «деревянных», конечно же, а в зеленых полновесных долларах.

– Привет! – сказал Виктор, присаживаясь к столику Андрея.

На лице сидевшей через пару столиков от них дамы (одной из тех, что не без восхищения смотрели на Виктора) отразилось легкое удивление: что общего имеет этот человек, бесспорно принадлежащий к сливкам общества, с нахальным босяком? Впрочем, в это время все настолько перепуталось, что возможно все что угодно.

– Привет! – откликнулся Андрей и бросил на Виктора вопросительный взгляд. – Опять что-то понадобилось Маме?

– Точно, угадал. – Виктор подмигнул. – Это она, наша милая старушка. И у нее снова припасено для нас небольшое заданьеце.

– Что должен делать я?

– Как обычно, – ответил Виктор и бросил на Андрея испытующий взгляд. – Ты готов?

– Как пионер, – ответил Андрей. – Тем более если оплата на том же уровне, что и раньше.

– С оплатой все нормально, – заверил Виктор. – В этот раз она даже несколько выше, чем можно было бы предполагать. Это настораживает. Я думаю, в этот раз тебя надо показать Маме.

– Неужели все так серьезно? – поинтересовался Андрей. На лице его мелькнула легкая тень озабоченности.

– Пока никаких данных. Но все же есть какое-то странное чувство, словно предчувствие. А я своим предчувствиям верю.

– Я тоже, – сказал Андрей.

Они помолчали, словно бы эти слова были границей, за которой шуточки заканчивались и начиналась суровая, опасная жизнь. Собственно, так и было, поскольку с этого момента и начиналась та работа, ради которой Андрей и приехал в Москву, работа, которая давала ему не только деньги на жизнь, но и независимость.

«Собственно, так и есть», – подумал Андрей.

Почти три года назад, когда, намыкавшись по разным частным фирмам, он уже готов был возвратиться обратно, на родину, Виктор сделал ему предложение, несколько странное, но тем не менее очень серьезное.

Андрей хорошо помнил тот вечер, когда после посещения ресторана Виктор назвал его к себе домой и там рассказал, чем зарабатывает на жизнь. Он был киллером – наемным убийцей.

Виктор признался в этом так легко и естественно, что Андрей поначалу не поверил, посчитал за шутку. Но тот, похоже, вовсе и не думал шутить.

– Ну хорошо, а что будет, если тебе закажут убить женщину или ребенка? – спросил Андрей тогда.

– Не закажут, – уверенно ответил Виктор. – Ты не понимаешь... Я профи, я настоящий профессионал. Мне заказывают только бизнесменов и авторитетов; Потому что они охраняют себя так, что будь здоров, потому что никто другой, кроме меня, их завалить не может.

– А все же?... – настаивал Андрей.

– Откажусь.

– А если попросят так, что отказаться будет нельзя?

Виктор с минуту помолчал, а потом серьезно, заглянув Наумову в глаза, проговорил:

– Вот для того, чтобы я мог отказаться от заказа, который принципиально брать не хочу, мне и нужен такой напарник, как ты. И не только для этого.

Короче, вечер прошел. Они поговорили. И Андрей принял предложение Дегина. Конечно, после этого ему пришлось из Москвы все равно уехать, но, скорее всего, на следующую попытку еще неспособным не проигравшим, уползающим в нору зализывать раны. Конечно, победителем его еще назвать нельзя было, но все же у него появилась работа, которая давала независимость. И это было уже немало. Кроме того, эта работа давала деньги, являющиеся той же самой независимостью, только более ощутимой, той, которую можно подержать в руках.

В этой стране в это время это было немало. Конечно, предложенная работа была не только опасной, но еще и незаконной, но о каком законе может идти речь в стране, где беззаконие стало нормой?

По крайней мере больших угрызений совести Андрей не испытывал. Особенно если учитывать, что он и сам совсем недавно убил человека. Правда, из мести за смерть любимой женщины, но все же... все же...

Андрей тряхнул головой, чтобы освободиться от совершенно неуместных в этот момент воспоминаний, и внимательно поглядел на Дегина.

– Стало быть, тебе кажется, что заказ не совсем чистый?

– Насчет заказа не знаю, – ответил Виктор. – Только, Мама, похоже, что-то задумала. Уж больно ласковая стала. Да и потом, в последнем деле, как ты помнишь, я тебя не показал, сделал вид, что работал один. Мама запросто могла решить, что мы рассорились. А раз так, то почему бы не попробовать прибрать меня к рукам? Так, как она сделала с теми, кто составляет сейчас ее свору. Хотя ты и сам знаешь, что у нее нет ни одного хорошего профи. И она это знает. Именно поэтому она и терпит нас, людей со стороны. С ее точки зрения, мы опасны, поскольку независимы. В любой момент можем наплюнуть на это дело и завязать. Ведь так?

– Угу... – Тень улыбки пробежала по лицу Андрея. – Именно поэтому она нас и терпит. Хотя какие у нее могут быть претензии? Заказы мы выполняем, клиенты довольны. А то, что являемся кошками, которые ходят сами по себе, так разве это так уж и плохо?

– Разве не понятно? Маме очень хотелось бы нас приручить. И не из тщеславия. Если у нее в команде появятся такие, как мы, профессионалы, это значительно поднимет ее рейтинг в определенных кругах. Конечно, понимаешь, в каких.

– Знаю. – Андрей задумчиво посмотрел в окно. – Стало быть, надо будет заехать к Маме?

– Было бы хорошо.

– Ну, если надо, так надо.

Андрей убрал бумагу с чизбургера, и, откусив от него, запил напитком.

– Это мне? – спросил Виктор, указывая на второй стакан.

– Конечно.

Через несколько минут, задумчиво допивая сок, Андрей спросил:

– А вообще как у вас тут дела? Что нового? Чем дышит столица?

– Да ничего особенного, – ответил Виктор. – Все как обычно. Только уж больно здорово готовятся наши политики к выборам. Как с цепи сорвались. И каждый обещает процветающую свободную державу. Впрочем, о чем я говорю? Ты и сам небось по телевизору видел... – Он покрутил головой. – И еще всякие обычные штучки: митинги, плакаты, воззвания. И прочая мишура. Ужас. Неужели кто-то еще верит, что в этой стране все можно сделать по-старому, вернуть обратно коммунистов, выбрать генсека с хлябающей челюстью и тут же после этого в магазинах появится колбаса по рубль двадцать?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Андрей. – Сделать это не так уж и сложно. Достаточно сколотить надежную команду, вооружить ее, думаю, для этой цели подойдет старый добрый АКМ, и вперед – брать какой-нибудь Белый дом.

– Браво! Вива цезарь... Только было все это, – ответил Виктор. – И даже ГКЧП. Ну и что они сделали, эти гэкачеписты, чего добились? Не получилось у них ничего, совсем не получилось.

– Конечно... – Андрей вертел в руках стаканчик из-под напитка. – Потому что делали это ГКЧП сплошь старики, и делали по старому октябрьскому сценарию. Вернее, попытались сделать. Ни черта у них не вышло. Но ведь все же был, был момент, когда страна дрогнула, когда она по-настоящему испугалась. Чуть-чуть бы поднажали, и все – страна вновь в ежовых рукавицах.

– А ведь не поднажали. И не только потому, что из них уже песок сыпался, а потому, что ситуация в стране для переворота не была готова. Кое-кто обрадовался. В основном, конечно, старики. Да только, старики перевороты не делают. Перевороты делают молодые и честолюбивые, отвоевываая место под солнцем. А молодые и честолюбивые сейчас в бизнес подались. Перевороты им до лампочки. В основном переворотами бредят сейчас те, кто в бизнесе не прижился, кому тямю для этого не хватило. Вот они и дурят головы старичкам и старухам, которые всю жизнь прожили при советской власти и теперь никак не возьмут в толк, как это получилось, что ими больше не командуют.

Виктор вздохнул, потянулся было за сигаретами, но потом, видимо, вспомнив, что находится в закуской, вздохнув и, безнадежно махнув рукой, добавил:

– Нет, переворот в такой стране сделать можно только с умом. Это тебе не Чили. Подняли полк и бросили на президентский дворец. Побегал Альенде в каске да ничего сделать не смог. Вот такие дела. Смотри, ведь второй-то раз уж вроде почти профессионалы делали. Руцкой-то – сам афганец. Вроде бы должен уметь воевать. Ан нет. Выскочил в бронежилете, заорал матом, да толку-то один пшик. Положил кучу своих людей и мирного населения и успокоился в «Матросской тишине». Отсиделся, вышел на свободу и теперь совершенно запросто стал народным защитником. Нет, переворот в этой стране сделать трудно, очень трудно. И никакие тут генералы не помогут. Тем более, как оказалось, и воевать-то они не очень-то могут. Ты посмотри, что в Чечне делается.

– И все же что-то сделать можно, – не сдавался Андрей. – Это я не к тому, что хочу, чтобы в этой стране снова воцарился социализм, а к тому, что в принципе, если за дело взяться с умом, то переворот можно сделать в любой государстве.

– Не знаю, вот тут ты, может быть, и прав. – Виктор снова полез в карман за сигаретами и снова передумал. – Ладно, пошли, договорим в машине. Курить охота, спасу нет.

Андрей с готовностью поднялся из-за столика.

– Прямо к Маме?

– Нет, – покачал головой Дегин. – Сначала заскочим ко мне. Есть еще одно мелкое дело. Угу?

– Согласен.

– Тогда машина подана. Прошу кататься.

И он весело подмигнул Андрею.

– Пошли, пошли, – улыбнулся в ответ тот. – Не сменил еще старушку?

– Да нет, пока еще ездит, мне и ее достаточно, – говорил Виктор, вслед за Андреем направляясь на выход. – Сейчас многие норовят на иномарках ездить. Я понимаю: скорость, сервис, престиж. Только торопиться мне пока некуда, в особом комфорте я не нуждаюсь. А престиж? Престиж мой и твой тоже как раз в том, чтобы быть как можно незаметнее. Правильно?

– Правильно, – сказал Андрей. – Только никак я не пойму, почему ты так вырядился. Это что, тоже от нелюбви к престижу?

Они вышли из «Макдоналдса».

– Престиж тут ни при чем, – ответил Виктор. – Просто я решил одеться как раз так, как одеваются люди, как правило, посещающие такие места. Мимикрия называется. Как у хамелеона.

Андрей улыбнулся.

– И все же ты слегка лукавишь.

– Ну, конечно, – ответил Виктор. – Как без этого? Они сели в его не новый, но удивительно опрятный и ухоженный «Москвич».

– Итак, к Маме? – опять спросил Андрей.

– К ней самой, – ответил Виктор. – Только через мою берлогу.

Глава пятая

За окнами машины разматывалась бесконечная лента московских улиц. Виктор курил и помалкивал. Андрей глядел в окно и пытался вспомнить все, что он знал про Маму.

Получалось, что не так уж и много. В основном то, что ему в свое время рассказал Виктор. Ну и, конечно, кое-какие свои собственные догадки. Как без этого? Собственно, догадок было больше, чем фактов.

Звали ее Таисия Васильевна Топоркова. Очевидно, имя при рождении ей давали другое. Очевидно, другое было и отчество, и уж точно фамилия. Однако в данный момент никакого значения это не имело. Она была – Мама, и это говорило о ней больше, чем настоящие имя, отчество и фамилия.

Мама держала несколько необычную контору под названием «Феникс». Если не считать тех людей, которые работали для прикрытия и вряд ли представляли, чем на самом деле занимается фирма Мамы, основной штат сотрудников состоял из киллеров – профессиональных убийц.

Любой крупный авторитет, как правило, имел в своей группировке человека, который исполнял должность палача. Но бывали случаи, когда убийца должен был быть со стороны. В таких случаях обращались к Маме. Ее ребята, как правило, делали все чисто, без сучка и задоринки.

Не успеет намеченная жертва узнать, что на нее открыта охота, как уже получает в лоб пулю из окна проезжавшего мимо автомобиля или сам автомобиль жертвы вдруг ни с того ни с сего с оглушительным грохотом, из-за которого вылетали окна соседних домов, взлетает на воздух. Существовало также множество других методов, с помощью которых можно было отправить человека на тот свет. Большинство из них ребятам Мамы было известно. И не только. Некоторые по мере надобности использовались.

Бандой это заведение назвать было трудно. Больше всего оно и в самом деле напоминало настоящую фирму, которая заключала контракты и выполняла их, как правило, так, что клиент оставался доволен. Изредка случались осечки или что-то срывалось, но тут Мама пускала в ход свои связи (по слухам, огромные) и проблема как-то сама собой решалась.

Откуда у Мамы были все эти связи? Тут уж и понимать нечего. Желание, чтобы неугодный человек исчез испытывают время от времени все, и не только авторитеты преступных группировок, но и обычные бизнесмены, политики и даже высокопоставленные государственные служащие. Неизбежно кто-нибудь из них прибегал к услугам Мамы и автоматически становился ее знакомым. А извлекать выгоду из знакомств, и не только в виде денег, Мама умела великолепно. Она прекрасно понимала, что в этой стране, может быть полезен любой, пусть даже самый ничтожный и жалкий человечешко, и не забывала никого и ничего. Иначе бы она не была Мамой.

Вообще личностью она была жутко таинственной. Никто ничего достоверно о ее прошлом не знал. Ходившие о ней смутные слухи большого доверия не вызывали. Правда, кое-что Андрей мог определить и сам. Например, то, что Мама, скорее всего, сидела.

Нет, она не употребляла в разговоре уголовного жаргона и вела себя крайне интеллигентно, но все же зоной от нее временами пахло слегка. И Андрей этот запах не мог не почувствовать.

Был и еще один интересный момент. В этом государстве ничего тайного не существует. Рано или поздно тайное становится известным всем. Причем, как правило, рано.

Другими словами, правоохранительные органы должны были если не знать, то хотя бы догадываться о второй, более тайной деятельности конторы Мамы. И они наверняка догадывались. Или знали.

У Андрея же создалось ощущение, что никто из милиции, а тем более из всех этих многочисленных кусочков, оставшихся от большого аппарата КГБ, всех этих появившихся после его расформирования контор, так и не попытался наложить на Маму лапу. Все они очень убедительно делали вид, будто об этой конторе не имеют и представления. Почему?

Связи? Да, именно они. Вот только те знакомства, которые она приобретала в результате деятельности «Феникса», были более-менее хаотичны и надежной защитой служить не могли. Помочь в каком-нибудь щекотливом деле – да; оградить от приставаний определенных органов – нет. Стало быть, у нее существовали еще какие-то знакомства никак или почти никак не связанные с нынешней деятельностью ее конторы. Связи из прошлого, о котором не знал практически никто.

Судя по всему, именно они создали вокруг конторы Мамы железный занавес, за который не мог прорваться никто: ни убежденный сединой следственный зубр, поймавший не одного бандита; ни зеленый лейтенантик, мечтающий о взятых малинах, о мафиози, стадами сдающихся лично ему, поскольку во всей милиции он самый профессиональный и уважаемый, короче, мечтающий о карьере и ради нее готовый на любые авантюры.

Что же это за прошлое было у Мамы? Кем она могла в нем быть? И кем в нем надо было быть, чтобы, несмотря на отсидку, все еще оставались такие связи, которые напрочь отбивали у правоохранительных органов желание связываться с «Фениксом»?

Андрей не раз прикидывал, что, скорее всего, в прошлом, во времена благословенного застойного периода, Мама должна была быть каким-то очень известным человеком, может быть, большим партийным работником. С полгода он ловил себя на том, что, когда в телевизионных передачах показывали кадры кинохроники застойного периода, он начинал вглядываться в мелькавшие на экране лица, пытаясь найти, высмотреть лицо Мамы и таким образом определить, кем она являлась в прошлом.

Однако никого похожего на нее Андрей так и не увидел. Нет, конечно, похожих было много, но то, что это не Мама, пусть даже и более молодая, Андрей мог определить совершенно точно. Объяснений могло быть два. Первое состояло в том, что Мама в молодости работала в таких органах, сотрудники которых снимаются очень неохотно. Второе – она сделала себе пластическую операцию, что тоже не так уж и сложно. А может быть, и то, и другое.

Андрей закурил сигарету, и, опустив стекло, стал стряхивать в образовавшуюся щель пепел.

– Так все-таки зачем мы должны заезжать к тебе домой? – спросил Андрей.

– В закускойной мне говорить об этом не хотелось. Мало ли там посторонних ушей, – объяснил Дегин. – Все очень просто. Я хочу дать тебе новый паспорт. Думаю, в этот раз тебе стоит пожить в Москве под чужой фамилией.

– Стало быть, ты почти уверен, что в этот раз Мама попытается тебя сдать?

– Сомневаюсь. Увидев тебя, она передумает. Вот то, что в этот раз она попытается добраться до тебя, можно почти гарантировать.

– И если ей это удастся, то в следующий раз она тебя точно сдаст, – уточнил Андрей.

– Однозначно, как любит выражаться один из наших политических деятелей.

– А паспорт нужен, чтобы у нее ничего не вышло?

– Точно, – ответил Виктор. – Причем учти на будущее, у меня дома паспортов на тебя аж две штуки. В обоих ты под разными фамилиями.

– И под какими? – поинтересовался Андрей.

– В одном – Голопупенко, а во втором – Провылезанский.

– Что? – воскликнул Андрей. – Что? Да я тебя...

– Шучу, шучу, – поспешно сказал Виктор и улыбнулся. – На самом деле – Хмылев и Тетерин.

Андрей покачал головой.

– Ну, ты со своими шуточками...

– А что, чем не фамилии? Любого милиционера ввергнут в отупение. Фамилии он запомнит, а тебя уже нет. Клево.

– Погоди, так все-таки какие фамилии на этих паспортах?

– Какие я и сказал.

– Голопупенко и Провылезанский?

– С чего? – совершенно невинно поинтересовался Виктор. – Я же тебе говорю – Тетерин и Хмылев. Все чин-чинарем. Чего ты привязался к этому Голопупенко?

– Ох, смотри у меня, – погрозил пальцем Андрей, и поспешно сменил тему: – Ну ладно, то, что сделать паспорта сейчас довольно легко, я в курсе. Но откуда ты взял мои фотографии для них?

– Что может быть проще? – пожал плечами Дегин. – Помнишь, в последнем деле, которое мы делали вдвоем, тебе понадобился пропуск? Ты еще тогда фотографировался. Помнишь?

– Помню. Точно, – признал Наумов. – Значит, ты забрал негативы?

– Ну да. Я рассудил, что фотографу они ни к чему. Доплатил немного сверх нормы, и – пожалуйста. Твоя фотомордочка у меня в конвертике. В конечном итоге, все это стало двумя настоящими, или почти не отличимыми от настоящих паспортами. Хорошо?

– Хорошо, хорошо, – проворчал Андрей. – Только в следующий раз, прежде чем делать что-то подобное, сообщи мне, ладно?

– Как скажешь, – согласился Виктор. – Как вам, граф, будет угодно.

Он бросил на Андрея не лишенный добродушной, скрытой насмешки взгляд, и тот не смог отделаться от ощущения, что для напарника все эти предосторожности, вся эта секретная деятельность все же в чем-то пусть немного, но вполне ощутимо является чем-то вроде игры в сыщиков и преступников, чем-то вроде детской «Войнушки».

«Хорошо это или плохо? – задумался Андрей. – Забавный вопрос. Ибо нет в этом мире плохой вещи, которая хоть немного не была бы хорошей, и нет хорошей, которая также не была бы частично плохой. Наверное, это и хорошо и плохо одновременно. В зависимости от обстоятельств. На этом стоит и успокоиться. Пока. Будущее покажет. И тогда я решу окончательно. А если решу, то, значит, смогу учить».

Он подумал, что теперь некоторые поступки Виктора стали ему более понятны. Вот только толку-то с этого? Хотя кто знает, может быть, со временем толк и появится.

Он полез было за новой сигаретой, но потом передумал. До дома Виктора оставалось всего лишь пару минут езды. Он не сомневался, что, заскочив в квартиру, они, несмотря на спешку, все же найдут время, чтобы чего-нибудь выпить и выкурить по сигарете. Хотя бы для того, чтобы собраться с мыслями перед визитом к Маме.

Так и получилось.

Квартира у Виктора была старая, чувствовалось, что в ней жили несколько поколений Дегиных, и, судя по всему, жили неплохо. Это ощущалось по обстановке, по мебели, на глаз, начала века, по множеству старинных, набитых толстыми книгами шкафов. Современной была только кухня, в которой были новенький кухонный гарнитур и множество всяких соковыжималок, миксеров, микроволновая печь и огромный, сверкающий незапятнанной эмалью холодильник. На кухню они и протопали.

Виктор достал из холодильника бутылочку «Кремлевской де люкс», налил две маленькие рюмочки, освободил от целлофанового пакета и выложил на тарелочку уже порезанную тонкими ломтиками нежную ветчину, поставил хрустальную, в виде плывущего лебедя пепельницу.

Вот тут Андрей и закурил.

А Дегин быстро сходил в соседнюю комнату. Что-то там едва слышно скрипнуло. Через минуту Виктор вернулся с двумя паспортами.

– Вот, выбирай, который тебе больше нравится, как говорят бабки на базаре, «который на тебя смотрит», – хлопнул он перед Андреем на стол две книжечки в пластиковых обложках, на которых были нарисованы двухглавые орлы.

– Угу.

Андрей неторопливо просмотрел оба паспорта, убедился, что никакими Голопупенками в них и не пахнет. Все чин-чинарем: Хмылев и Тетерин.

Вот и мило.

А Виктор уже тянулся к нему рюмочкой.

– Давай за встречу.

– Согласен. За встречу, так за встречу.

Они выпили.

Закусывая ветчиной, Виктор поинтересовался:

– А что, выбрал себе новую фамилию? Если не можешь, закрой глаза и выбери наугад.

– Выбрал.

Андрей упрятал один из паспортов в карман.

– Итак?..

– Итак, с этого момента я Хмылев Петр Трифонович. Кстати, откуда фамилии взял, случайно, не из сводки «Их разыскивает милиция»?

– Нет, – ответил Виктор. – Просто вот как-то пришли в голову. А что, разве плохие?

– Не плохие и не хорошие. Обыкновенные. В самый раз, – глубоко затянувшись сигаретой, ответил Андрей. – Ну, давай, говори, что там на этот раз от благотельницы Мамочки светит?

– В деталях пока не знаю. Это мы выясним, когда к ней заедем. Но в общих чертах поведать могут.

– Так и говори. Я слушаю, я тебя очень внимательно слушаю.

– Хорошо.

Виктор выбрал на тарелке самый аппетитный кусочек ветчины, отправил его в рот и, прожевав, стал рассказывать:

– В этот раз словно бы Мама хочет поручить нам выездной заказ. Естественно, оплачиваться он будет по несколько увеличенной таксе, как и все выездные заказы. Причем, как она опять же сказала, с аборигенами, то есть с теми, кто верховодит в этом городке, связей поддерживать мы не должны. Приедем, тихо сделаем свое дело и так же тихо, нигде не засветившись, уедем. Вот пока и все, что мне известно.

– Странно это все, – промолвил Андрей. – Обычно заказы на выезд проходят по другому. Люди, которые заказывают Маме отстрел, встречают нас и оказывают помощь. Думаю, в этот раз нам придется труднее. На свой страх и риск, без всякой помощи местных.

– Вот и я так же подумал. Все это слегка напоминает классический вариант сдачи исполнителей, после того как они сделают дело и будут не нужны. Именно поэтому я и захотел показать тебя Маме. Кто знает, может, после этого она несколько изменит сценарий заказа. А это уже будет говорить о многом. А, как ты считаешь?

– Вполне возможно. По крайней мере надо попробовать.

– Вот-вот, попробовать.

Виктор взял оставшийся лежать на столе паспорт и унес его куда-то обратно в комнату. Андрей подумал, что он поступил совершенно правильно. Не таскать же его с собой. А оставить негде, пока негде...

Там, в соседней комнате, опять что-то едва слышно закрипело.

«Господи, да что там может скрипеть?» – раздраженно подумал Андрей.

Знал он хорошо эту комнату, был в ней не раз. Нечему там было скрипеть. Разве что тайник. Но почему тогда он скрипит? Что ему, Виктору, некогда петли смазать? Кстати, может,

и некогда. Да и вообще не стоило сейчас об этом думать. А вот что стоило, так это пораскинуть мозгами насчет штучек Мама.

Насчет них Виктор, конечно, прав, но только не совсем. Да, безусловно, существование его – Андрея, человека, о котором Мама не знала почти ничего, самое главное: ни кто он такой, ни где его найти, служило некоей гарантией ее честного отношения к Виктору. Если с тем что-то случится и виновата в этом будет Мама, Андрей, может в любой момент появиться, всплыть, как подводная лодка со дна, и тогда ничто не спасет Маму от расплаты. Она просто не будет знать, где, в какой момент ее будет поджидать смерть, а стало быть, будет обречена. Таким образом, Андрей кроме напарника был еще для Виктора гарантией честного к нему отношения Мама. И это было правильно.

С другой стороны, если бы Мама очень сильно захотела, то ей наверняка удалось бы определить, кто именно Андрей, а также вычислить его логово. В таком случае он сам легко превратился бы в дичь.

Однако попыток разузнать об Андрее поподробнее она не предпринимала, и это служило пока гарантией, того, что она в ближайшее время рассчитывает с Андреем и Виктором поработать. Наумов был уверен, что засек бы ее попытки разузнать о себе поподробнее, если бы они были. Но их не было.

Был еще один момент, до которого Виктор не додумывался. Вполне возможно, Маме и вовсе не нужно было заполучить их в свою команду. А зачем? Может быть, ей гораздо удобнее иметь при себе двух парней, на которых можно было бы в случае чего кивнуть: «Это не мои ребята. Я не отвечаю за их штучки. И вообще им было дано совершенно противоположное задание, а они что-то напутали. Да об чем разговор, так вот же они, вот, можете делать с ними что угодно, я вам их отдаю».

И если так произойдет, то у Мама хватит ума сдать их вместе, обоих. И не она уже будет узнавать, кто такой Андрей, и брать его на мушку. Тут будут действовать другие люди. И делают они это все запросто, как два пальца об асфальт.

Что, в таком случае, останется делать им, двоим? Все что угодно, все, что в тот момент подскажут разум и инстинкт. Вот только, Андрей этого боялся, сделать в таком случае уже будет совсем ничего нельзя.

Уповать на справедливые разборки, слава о которых идет среди простых людей, не имеющих к этой системе никакого отношения и знающих о ней лишь по смутным слухам? Смешно! Что значит их слово против слова Мама? Да ничего, совершенно ничего.

Нет, в подобном случае останется лишь бегать, словно пуганные зайцы, и ждать, откуда прилетит пуля охотника. Может быть, некоторое время они так и продержатся. Но не до бесконечности же? Виктор, снова устроившись напротив него, острым чутьем угадав, что напарник думает о чем-то серьезном и мешать ему не стоит, молча закурил. Андрей сделал то же самое.

«В конце концов, – подумал он. – Если Мама решится нас по-серьезному сдать, шансов выжить будет очень мало».

Вот только даже в таком случае он не собирался поднимать лапки кверху.

«И вообще чего это я запаниковал? К дождю, что ли? Давай-ка, браток, жить по принципу: будет день – будет пища. Вот так, и никак иначе. А то так недолго и мигрень заработать, причем без всякого шампанского и шоколада».

– Ну что, пора? – спросил он у Виктора.

– Конечно пора, – встрепенулся тот. – Счас мы Маме сюрпризик преподнесем. Она-то думает, что я к ней заявлюсь один, а мы придем вдвоем. Обрадуем бабулю?

И он подмигнул.

– Факт, обрадуем, – поддержал его Андрей и подмигнул в ответ. – Думаю, наш сюрприз ей понравится.

– Еще как.

Так, с шутками-прибаутками, они вышли из квартиры Виктора, и тот аккуратно запер прочную, железную, такую, что, казалось, прямым выстрелом из пушки не прошибешь, дверь на цифровой замок.

По темному парадному гуляло эхо, на полу валялись окурки и обрывки агитационных плакатов, то ли рекламирующих новое политическое движение, о котором в данный момент все, наверняка уже забыли, то ли очередной заграничный чудо-сок.

Весело перепрыгивая через две ступеньки, они сбежали вниз и уже практически вышли на улицу, когда едва не столкнулись с тремя омовцами. Разминулись и уже двинулись дальше, к припаркованной в паре десятков метров от подъезда машине Виктора, когда сзади послышалось властное:

– Эй, граждане, остановитесь!

– Чего? – не понял Виктор.

И все же они остановились и обернулись.

А омовцы уже окружали их, брали в клещи, и двое, положив руки на дубинки, заходили сбоку. Тот, что был в середине и теперь, когда Виктор с Андреем развернулись, оказался к ним лицом к лицу, к дубинке, однако, не тянулся. Вид у него был вполне безмятежный и в то же время чувствовалась в нем какая-то скрытая угроза, словно бы намек, что приказ, отданный хоть и спокойным, можно даже сказать, благожелательным тоном, лучше бы исполнить. А иначе...

– В чем дело? – резко спросил Виктор.

– Документики.

– Что?

– Я разве неясно говорю? – осклабился тот, который стоял перед ними. Его товарищи между тем уже стояли по бокам, и чувствовалось, что любое неверное движение Виктора или Андрея они могут истолковать как повод к действиям. Очень даже неприятным действиям. Когда резиновой дубинкой попадают по спине или голове, это очень, ну просто крайне неприятно.

– А в чем, собственно, дело? – поинтересовался Виктор.

Тон у него был уже не резкий, а вполне дружелюбный.

Конечно, этих трех они с Андреем запросто могли раскидать, как щенков, но затевать драку с представителями власти возле дома, в котором ты прожил всю жизнь, – неразумно. Кто-нибудь обязательно смотрит на них сейчас в окно. Не пройдет и получаса, как тебя опознают. А там, глядишь, к вечеру и руки за спиной скрутят.

– Ни в чем, – невозмутимо ответил омовец. – Просто мы хотим посмотреть на ваши документики. По распоряжению мэра Москвы в целях борьбы с терроризмом проверяем документы у всех подозрительных личностей, предположительно кавказской национальности.

– Ну, вы даете! – засмеялся Виктор. – Это я-то кавказец. Вы на меня внимательно посмотрите!

– А мы документы у вас и не спрашиваем. Нас ваш товарищ интересует.

– Да какой же он кавказец? Вы поглядите внимательно. Нет, вы видели?

– Это нам решать, – гнул свое омовец. – И вообще сейчас у нас терпение лопнет, проводим в отделение милиции и задержим на трое суток. А потом можно этот срок продолжить. Повод найдется. Так что, гражданин, не протестуйте. Пусть ваш товарищ покажет документы и проваливает подобра-поздорову.

«Просто удивительно вежливые омовцы! Ненормально вежливые!» – подумал Андрей и полез за паспортом.

– Да зайдите в любую квартиру в этом доме, – продолжал объяснять Виктор. – Вам все скажут, что я тут всю жизнь живу. А это мой друг, ко мне из Астрахани приехал.

– Ну вот и хорошо. Раз приехал, значит, у него с собой должен быть паспорт. Пусть предъявит.

Краем глаза заметив, как напрягся омоновец, который стоял от него справа, Андрей все же выудил из внутреннего кармана куртки паспорт.

– Вот, смотрите.

– Вот видите, делов-то, – промолвил тот, принимая книжицу, и, открыв ее на той странице, где была наклеена фотография, стал внимательно ее изучать, то и дело поглядывая на Андрея. – Так, фотография сходится, и даже очень. Побриться бы вам не мешало, гражданин... Хмылев Петр Трифонович. Это вы?

– Так точно! – по-строевому вытянув руки по швам, отрапортовал Андрей.

Стоявший от него справа патрульный несколько расслабился, но руки с рукоятки дубинки не убрал.

– Угу, национальность – русский. Это хорошо, это здорово... Вот видите, значит, действительно, ошиблись мы... значит, ваш товарищ прав...

– А я что говорил? – не без триумфа возвестил Виктор. – Все, мы можем идти?

И Андрей тут же протянул руку, чтобы забрать паспорт, но омоновец это проигнорировал, продолжая неторопливо, словно эта операция ему не надоела за день, перелистывать книжицу в полиэтиленовой обложке.

– А вот еще мы сейчас посмотрим место вашего жительства. Штампик посмотрим. Стало быть, в Астрахани ваш друг живет, говорите?

Андрей мысленно чертыхнулся. Ну, если только Виктор напутал... Если только... Да и сам хорош, не посмотрел, где этот самый Хмылев живет, кретин... А надо было...

– Ага, действительно в Астрахани... И даже на улице Ленина... Ну, дьявол, сколько этих улиц показывали в свое время. В каждом городе.

– Совершенно верно, – вкрадчиво сказал Андрей, ловким движением забирая у омоновца паспорт. – Все, проверка закончена?

– Закончена, закончена, – почему-то развеселившись, ответил тот. – Проверка проведена. Показала отсутствие причин для дальнейшей проверки.

– Вот именно, – подтвердил Виктор и, резко развернувшись, на прощание бросил омоновцам: – Адью! Прощайте, стражи порядка!

– Да, мы пойдем, – поддержал его Андрей.

И оба друга, стараясь шагать неторопливо, направились к машине Виктора. Прежде чем сесть в салон, Андрей все же обернулся.

Омоновцы стояли на том же месте, чем-то в своей неподвижности напоминая скульптурную группу «Лаокоон и его дети, заедаемые змеями», и смотрели им вслед. На секунду Андрею показалось, что на лице у того, который смотрел его паспорт, мелькнуло едва заметное выражение удовлетворения, словно он сделал что-то, что должен был сделать.

«Чем он доволен? – подумал Андрей, усаживаясь на плотное кожаное сиденье. – Тем, что я оказался не кавказцем? Почему?»

Он полез за сигаретами и вдруг понял, чем мог быть доволен этот омоновец, и тут ему захотелось посмотреть на его лицо еще раз, убедиться в том, что он не ошибся, но Виктор уже тронул машину с места. Еще через несколько секунд омоновцы оказались далеко позади, скрылись за стенами домов, за зеленью высаженных по сторонам проезжей части деревьев.

Еще через пять минут Виктор зарулил в какой-то глухой переулочек и, откинувшись на спинку сиденья, отрешенно прикрыл глаза.

– Все, – вырвалось у него. – Пронесло.

– Да о чем ты? – спросил Андрей.

– Ни о чем, – пожал плечами Виктор. – Просто я почему-то немного перенервничал. В конце концов, чем эта проверка могла нам грозить? И все же... Может быть, потому, что я знал, что твой паспорт фальшивый.

– Но ты же говорил, что он сделан хорошо. Да я и сам вижу – работа классная. Определить, что он фальшивка, можно, наверное, только в лаборатории. Нет, дело тут в другом...

Андрей замолчал и быстро оглядел переулок, в котором они оказались. Обшарпанные стены, кучки мусора, над которыми вились мухи, и облезлая кошка, деловито копавшаяся в одной из этих неаппетитных, но, по ее мнению, видимо, представлявшей неоспоримый жизненный интерес кучек.

– Ну, не тяни кота за хвост, – развернулся к нему Виктор.

– А чего тянуть-то, – пожал плечами Андрей. – Тебе не кажется странным совпадением, что эти омовцы встретились нам как раз возле твоего дома?

Секунду помедлив, Виктор ответил:

– Кажется.

– Еще бы. Поправь меня, если я ошибаюсь. Где обычно проверяют паспорта? На вокзалах, в аэропортах, короче, в общественных местах. А тут жилой дом, вполне мирный «спальный» квартал. И вдруг откуда ни возьмись, трое омовцев, которые появились буквально ниоткуда. Эти ребята ведут себя в высшей степени корректно. Обрати внимание – в высшей степени. Им ничего не надо. Они хотят только одного: под предлогом того, что один из двух вышедших на улицу идиотов жутко похож на дитя гор, им нужно, видите ли, взглянуть на его паспорт. Они хотят знать, кто он такой, а также, где он конкретно живет. Очень скромное желание... Как только оно удовлетворяется, двух героев с миром, едва не поцеловав в щечку на прощание, отпускают. Не странно ли это?

– Ты хочешь сказать, что омовцы были не настоящие?

– Нет, они были самые настоящие. Уж в этом ты можешь мне поверить. Сам служил в ОМОНе. Переодетых от настоящих я отличу махом. Они были самые настоящие, «всамделишные», как сказала бы одна моя знакомая маленькая девочка.

– Так в чем же дело?

Андрей мрачно вздохнул.

– Подумай хорошо... Кому из наших знакомых могло понадобиться знать, кто я такой и где проживаю?

– Тут и гадать нечего. Конечно, Маме.

– Прекрасно. Ты на верном пути. А теперь хорошенько подумай, что бы ты стал делать, если бы тебя захотелось позарез узнать мои координаты? Учти, с какой стороны я приеду в Москву, ты не знаешь. И вообще ты не уверен, что я не коренной москвич. Где бы ты устроил засаду, целью которой является выяснение моей личности?

Виктор ударил кулаком о ладонь.

– Да, ты прав. Это Мама. Теперь она считает, что вычислила тебя и, стало быть, я остался перед ней без прикрытия.

– Вот именно.

Андрей закурил новую сигарету.

– Но ведь на самом-то деле она этого не знает. Паспорт же был фальшивым.

– Правильно. Только ты забыл учесть, что она этого тоже не знает. Конкретно, в данный момент она наверняка думает, что мы у нее в руках. И действовать будет соответственно.

– И что теперь делать? – спросил Виктор.

Андрей пожал плечами.

– Как говорил наш физрук в школе: «Снимать штаны и бегать». Не знаю.

Они помолчали. Наконец Наумов сказал:

– Послушай, может быть, не будем браться за это странное задание? Приедем сейчас к Маме и скажем, что это дело в данный момент не для нас, что мы чувствуем себя не в форме и решили от него отказаться. Пусть его делают мальчики Мамы.

Виктор покачал головой.

– Нет, это не выход. Она сдаст нас в следующий раз. Не можем же мы отказываться от всех заданий подряд! Не проще ли тогда покончить с этим гнилым занятием вовсе? Повеселились, и хватит. Найдем более цивилизованный способ зарабатывать деньги. И все. И баста.

Андрей бросил на друга иронический взгляд.

– В итоге у нас отрастут крылышки. Мы, благодаря, им воспарим в поднебесные сферы и больше никогда-никогда не столкнемся с суровой действительностью этой страны? Бред. Старик, мы живем в уголовном государстве, то есть в государстве, где преступниками является добрая часть населения, а те, кто ими не является, частенько сами об этом не подозревая, живут по уголовным законам, согласно уголовной психологии. Мы живем в стране, где мерилом справедливости и чести является кулак, и отличаемся от многих и многих так называемых честных людей только тем, что можем сами себе не врать. Поскольку четко представляем, чем зарабатываем на хлеб. Между прочим, на хлеб с маслом. И вообще что ты умеешь делать, кроме как убивать себе подобных? Причем тех, от ухода которых государство, а значит, и народ ничего не теряет?

Виктор почесал затылок и широко улыбнулся.

– Нет, старик, ничего.

– Тогда хорошенько подумай над тем, что мы будем делать дальше. А я подожду. Думай, думай. Как скажешь, так и будет. Если ты решишь, что мы завязываем, то так и будет. Если нет, тогда предлагай какое-то решение.

– Хорошо.

Виктор кивнул. Глаза его сузились, губы едва заметно шевельнулись. Сейчас он здорово напоминал бухгалтера, который пытается в уме свести какой-то очередной баланс.

Чтобы не мешать, Андрей вышел из машины, прошелся по переулку, глубоко, всей грудью, вдыхая пропахший пылью и плесенью запах. Облезлая кошка перешла к следующей куче, через минуту откопала в ней полупротухший кусок рыбы и, с урчанием вцепившись в него, стала есть. Андрей прислонился к ободранной стене и стал ждать.

Наконец дверца машины хлопнула.

Виктор подошел к нему и, едва слышно напевая какую-то мелодию, стал покачиваться с пяток на носки.

– Ну? – спросил Андрей.

– Решил, – как можно безразличнее ответил Виктор.

– И?..

– Да ладно, чего ты... – Дегин хлопнул его по плечу. – Надулся, как бука! Мы едем!

– К Маме?

– Ага!

– Почему ты так решил?

– Почему? – Виктор усмехнулся. – В древнем японском труде «Сокрытые в листе», на котором воспитывались самураи, говорится: «Те, кто держится за жизнь, умирают, а те, кто не боится смерти, живут».

– Ну это как-то туманно, – проворчал Андрей.

– Хорошо, могу и более конкретно, – сказал Дегин. – Все очень просто. Ты прав в одном – мы такие, какие есть, и изменить себя уже не сможем. Нам нравится то, что мы делаем, потому что мы в этом деле профессионалы. А штучки Мамы... Думаю, это просто очередной жизненный ухаб. Либо мы вырулим, либо завалимся в кювет. Если мы сдадимся, то завалимся обязательно. Думаешь, Мама позволит нам завязать? Сомневаюсь. Слишком уж многое мы

знаем. Поэтому единственным выходом является принять ее заказ и попытаться выкрулить. Может быть, то, что он выездной, даже лучше.

– Ну конечно, – сказал Андрей. – Это несомненно лучше. В городишке, в который мы поедем, нам придется столкнуться с совершенно неизвестными людьми. Но ведь и они не будут знать, что мы из себя представляем. Игра почти на равных.

– Ну да, – проворчал Виктор. – Если не считать, что нас двое, а их будет наверняка несколько десятков.

– Так это же лучше. Когда тебя пытается отлупить целая куча врагов, они обязательно будут друг другу мешать. Наша задача отбиться от них и не дать себя подставить. Действовать придется по обстоятельствам.

Они бок о бок пошли к машине.

– Стало быть, мы принимаем бой? – еще раз спросил Андрей.

– Принимаем, – подтвердит Виктор. В глазах у него загорелись мрачные огоньки. – И думаю, тем, кому Мама попытается нас сдать, может и не поздоровиться.

Они сели в машину и захлопнули дверцы.

– И все-таки это чистой воды бред, – пробормотал Виктор, запуская мотор.

– Думаешь, у нас есть какой-то другой выход? – серьезно спросил Андрей.

– Думаю, нет.

– И ты прав. Тем более, что потом, когда мы вернемся, Мама трижды подумает, прежде чем повторить этот фокус еще раз.

– Я думаю, она может все же проверить данные твоего паспорта. И довольно скоро убедится, что такого гражданина, как Петр Трифионович Хмылев, в городе Астрахани просто не существует.

– Правильно. А проверить она это должна. Не будь она Мамой, – согласился Андрей.

Машина медленно выезжала из переулка. Андрей откинулся поудобнее на спинку сиденья и сказал:

– Ну-ка, вспомни еще что-нибудь из той японской книги.

– А что, и вспомню. – Виктор задорно ухмыльнулся. – «Путь воина – означает смерть. Когда для выбора имеется два пути, выбирай тот, который ведет к смерти!»

Андрей пожал плечами.

– И все-таки все эти японские самураи были слегка чокнутые.

– Точно, – согласился Виктор. – Именно поэтому они так дорожили своей независимостью.

Глава шестая

Здание было небольшим, двухэтажным, аккуратным. На первом этаже находился магазинчик, который назывался так же, как и фирма, которой он принадлежал, – «Феникс». Весь второй этаж занимал офис. Именно там было логово Мама, именно туда приходили за заказами ее ребята.

Друзья оставили машину на стоянке, расположенной метрах в двухстах за углом, и не спеша пошли на встречу с Мамой. Каких-либо сомнений они не испытывали, поскольку, приняв решение, как правило, следовали ему до конца, но все же не торопились, посчитав, что это было бы несолидно.

Входы в магазин и на второй этаж были в разных подъездах. Более того, в том подъезде, который вел в офис, висела табличка «Магазин в соседнем подъезде», которую повесили, чтобы оградить от особо непонятливых покупателей.

Войдя в подъезд, Андрей и Виктор одновременно посмотрели на табличку. Виктор, как обычно, хмыкнул, Андрей едва заметно улыбнулся.

Виктор сказал то, что он говорил и в прошлый раз:

– Однако Мама, как всякая женщина, довольно предусмотрительна.

– И не говори... – согласился Андрей.

Они стали подниматься по лестнице, закончившейся резной, украшенной всякими деревянными финтифлюшками дверью. Создавалось впечатление, что высадить эту дверь не составит большого труда. Только это было обманчиво. С обратной стороны дверь была железной и по крепости, пожалуй, не уступала двери квартиры Виктора.

«Мы живем во время железных дверей, – подумал Андрей. – Вот так – мой дом, моя крепость. Самое смешное состоит в том, что от серьезных неприятностей подобные двери не спасают. Скорее, служат для успокоения самих хозяев квартир».

В центре двери был глазок, и в этот глазок их сейчас разглядывали.

– Эй ты, открывай! – Виктор легонько саданул по двери ладонью. – Своих, что ли, не узнал?

– Свои, они знаешь, где? – послышалось из-за двери, но все же защелкали запоры, и через несколько секунд два друга оказались в прихожей.

За дверью их поджидал Чуня – здоровенный качок, личный телохранитель Мама. Был он жутко сильный, невообразимо тупой, преданный, как собачонка, и страшно любил сладкое. Вот и сейчас, входя, Андрей заметил, что большой и средний палец у него на правой руке чем-то запачканы.

«Опять какой-нибудь „сникерс“ лопал», – подумал Андрей.

– Стоять, – приказал им Чуня. – Вас приглашали?

– А то как же? – ухмыльнулся Виктор. – Что, думаешь, мы пришли бы просто так?

Чуня окинул их подозрительным взглядом. Андрей отметил, что в этом взгляде сегодня чувствовалось больше враждебности, чем обычно, и восхитился.

«Все-таки, – подумал он. – Телохранитель – это не профессия, а состояние души».

Он был уверен, что Мама сегодня не сказала ему про них ни слова, но Чуня каким-то своим сверхъестественным чутьем почувствовал, что их отношения с хозяйкой стали несколько иными, чем, например, вчера. И уже успел отреагировать, успел поместить их на другую полочку в табели рангов посетителей. Еще не враги, но уже и не совсем свои. Вот так-то.

– Ладно, – наконец промолвил Чуня. – Сейчас спрошу. Он снял с пояса «уоки-токи», нажал нужную кнопку и стал сообщать, что вот пришли двое... Да, именно Андрей и Виктор... да, да, понятно....

И это было не совсем по правилам. Раньше Чуня пропускал их к Маме беспрекословно.

«Впрочем, – подумал Андрей, – не слишком ли я обращаю внимания на все эти мелочи? Все это вполне может быть объяснено совсем другими причинами, не имеющими ничего общего с устроенной возле дома Виктора проверкой документов».

Виктор и Андрей обменялись выразительными взглядами.

– Ладно, проходите, – сказал Чуня, убирая рацию на пояс. – Таисия Васильевна вас ждет.

– А мы и пройдем, – ослепительно улыбнулся Виктор. – Мы за этим и явились.

Андрей помалкивал. Так получилось, что у Мама он все больше помалкивал, добросовестно играя роль «темной лошадки». Говорил в основном Виктор. Это у него получалось.

Они прошли коротким коридорчиком, стены которого были по последней моде обтянуты каким-то неживым, слегка поблескивающим материалом. Миновали две двери, одна из них вела в ванную, вторая в туалет, и оказались в небольшой комнатке, в которой сидели Наташка, исполнявшая при Маме роль секретарши, и один из ее ребят, по кличке Никсон, невысокий, похожий на худощавого подростка, явно не очень сильный. Впрочем, сила ему большая была ни к чему. По слухам, Никсон был отменным стрелком, в свое время на соревнованиях, не ниже республиканских, показывавшим совсем неплохие результаты.

В комнате было жарко, и Никсон снял пиджак. Под мышкой у него висела кобура, из которой торчала полированная рукоятка револьвера. Покуривая сигаретку, он слушал Наташку, которая рассказывала:

– Нет, все-таки раньше было лучше. Подъезжаешь к магазину, берешь у знакомой продавщицы ящик кур, и порядок. До конца месяца тебе их хватало выше крыши.

– Приветик, большой приветик, – продолжая улыбаться, проходя мимо них, проговорил Виктор.

Топавший за ним Андрей солидно сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, здравствуйте, – ответила Наташка, делая серьезное лицо, и, достав из лежавшей на столе пачки «Мальборо» сигарету, стала ее прикуривать. Никсон же только повернул в их сторону голову и пробормотал что-то, что вполне могло быть как пожелание доброго здоровья, так и «чтоб вы провалились».

Тут все было в норме. Наташка и Никсон вели себя как обычно.

Виктор с Андреем прошли мимо них и вступили в апартаменты Мама. Первая же комната являлась гостиной, в которой принимались посетители. Дальше, собственно, начиналась квартира, в которой Мама и жила. Как она обставлена и что в ней есть, оба друга представления не имели, поскольку туда Мама не пускала никого. Она там жила, и это было очень удобно. Во-первых: для того чтобы попасть на работу, ей требовалось всего лишь перейти из одной комнаты в другую, во-вторых: при такой системе она почти не выходила из дома, и тем самым значительно уменьшались шансы тех, кто по своей глупости захотел бы по той или иной причине ее убить. Андрей точно знал, что Мама не выходит даже за покупками. Это ей было ни к чему. Для этого существовала Наташка, закупавшая все необходимое и тащившая, случалось, в «берлогу» Мама аж по две битком набитые сумки.

Короче, «контора» Мама совсем не походила на те, которые когда-либо видели Андрей и Виктор. Ну, на то она была и «контора» Мама.

Сама Мама – Таисия Васильевна Топоркова – ждала их, удобно устроившись в огромном кожаном кресле, покуривая коричневую тонкую «дамскую» сигарету. Длинная сухая женщина лет пятидесяти, со все еще прямой стройной спиной и вполне интеллигентным выражением лица.

– Ага, мальчики, – слегка улыбнулась она. – Пришли, значит?

– Ну конечно, как мы могли не прийти? – весело проговорил Виктор.

Они с Андреем дальше порога не прошли, ожидая, когда их пригласят. Таков был ритуал. И соблюдался он неукоснительно.

– Ну, проходите, садитесь, нам надо поговорить, – сказала Мама. – Тут для вас задание есть одно. Надо бы его выполнить, причем так, чтобы комар носу не подточил. Аккуратно, в срок и очень, повторяю, очень чисто. Короче, работа именно для вас. Вы ведь у меня специалисты.

Она как-то непонятно усмехнулась, и Андрей еще больше насторожился. Что-то не было раньше со стороны Мама таких усмешечек. Нет, точно, в «конторе» Мама к ним теперь, относились немного по-другому. И чем дальше, тем это было заметнее.

– Ну конечно, конечно, – важно покивал головой Виктор. – Вы же знаете, все прежние задания...

– Знаю, – коротко сказала, как отрубил, Мама. – Поэтому и говорю. Это задание несколько необычное. Действовать вам придется, так сказать, на свой страх и риск. Попрошу все учесть и хорошенько обдумать. Самое сложное будет появиться и исчезнуть так, чтобы не засветиться. Поедете вы в город Азинск. Объектом будет один из местных авторитетов. Не самый большой в этом городе, но все же и не самый маленький. Все данные вот здесь... – Она протянула им тоненькую, в кожаной обложке папочку. – Советую внимательно ознакомиться прямо здесь. Вам придется рассчитывать только на свою память.

– А оплата? – забирая папку, поинтересовался Виктор.

– Оплата будет выше, чем обычно, так что не волнуйтесь.

– Все же... – Виктор деликатно кашлянул. – Хотелось бы знать конкретную сумму. Прежде чем приступать к изучению материалов.

– Хорошо. – Мама пожала плечами. – Если вам так хочется... Пятьдесят тысяч баксов хватит?

Андрей и Виктор переглянулись.

Оплата и в самом деле была достаточно высокой. По крайней мере за прошлые дела им платили едва ли не в два раза меньше.

– Хватит, – коротко кивнул Виктор и открыл папку, подвинув ее так, чтобы Андрею тоже было хорошо видно все, что в ней лежало: несколько листочков отпечатанной на принтере бумаги и пара фотографий.

– Кофе будете? – совершенно по-будничному спросила Мама.

– Будем, – сказал Виктор, внимательно читая лежавшие в папке листочки. Не отрывая от них взгляда, он протянул Андрею фотографии. Тот стал их внимательно рассматривать, стараясь запомнить как можно лучше.

Фотографии были стандартные, скорее всего, переснятые с какого-нибудь лежавшего в милицейском архиве дела. Вид фас, вид профиль. И все. Лицо у изображенного на них человека было несколько напряженное, в уголках губ складочки, присущие властным натурам, привыкшим командовать другими людьми. Было ему лет сорок пять. Лысоватый, видимо, мощного сложения мужик, уверенный в себе и в том, что он хозяин этой жизни.

Покойник. Пока будущий. Впрочем, все мы рано или поздно умрем. Некоторые – раньше других. Так устроено.

Виктор изучил первый листок и передал его Андрею. Листок за листком. Внимательно прочитывая информацию, стараясь запомнить каждую мелочь.

Мама сходила куда-то в глубь своих апартаментов и вскоре принесла поднос, на котором уже стояли три чашечки, три маленькие, изящные чашечки, наполненные до краев ароматным кофе.

Машинально, не отрывая взгляда от того листка, Андрей протянул руку и подхватил чашечку, которая стояла к нему ближе. Через несколько секунд Виктор взял свою. К этому времени Мама уже медленными неторопливыми глотками выпила половину своей. Она молчала, хорошо понимая, что Наумов и Дегин работают и отвлекать их не стоит.

Наконец Виктор, словно сбрасывая с плеч тяжелый груз, вздохнул, передал последний листок Андрею и стал внимательно изучать фотографии.

Мама, давно уже поставившая на поднос свою пустую чашечку, все так же неторопливо закурила очередную сигарету. В этот момент она чем-то походила на паука, который терпеливо ждет, когда в его паутину попадет очередная муха.

«Может быть, уже попала, – на секунду бросив на нее взгляд, подумал Андрей. – И не одна, а целых две, большие вкусные мухи. Только слопать их будет не так-то просто. Мухи намерены защищаться».

Он дочитал последнюю страницу и аккуратно положил ее обратно в папку, так же как и все предыдущие. Оставалось только подождать, пока Виктор закончит с фотографиями.

В тех листах, что прочитал Андрей, содержалось множество самых различных сведений о человеке, на которого они открывали охоту. Правда, большинство из них им были ни к чему. Андрею и Виктору совсем не интересно было, где и сколько раз сидел авторитет по кличке Дипломат из города Азинска. Их также почти не интересовали те факты, которые относились к его прошлому. Им нужно было как можно больше узнать о настоящем этого Дипломата. А вот этих-то сведений было не так чтобы уж и много. Хотя кое-что интересное попало.

Виктор протянул фотографии Андрею. Тот покачал головой.

– Ты уверен, что хорошо запомнил? – спросил Дегин.

– Уверен.

Виктор положил фотографии в папку, закрыл ее и протянул Маме. Та положила документы на столик с изогнутыми в форме львиных лап ножками и снова затянулась своей длинной сигареткой.

– Таисия Васильевна, насколько точны сведения, что стекла в квартире Дипломата пуленепробиваемые? – спросил Виктор.

– На сто процентов. Проведена дополнительная проверка всех сведений. В том числе и этих, – ответила Мама.

На секунду на ее лице мелькнуло выражение типа: «Мы тоже не щи лаптем хлебаем», но оно быстро стало вновь совершенно спокойным, почти бесстрастным.

– И насчет его машины? – поинтересовался Виктор.

– И насчет машины.

Виктор задумчиво закурил сигарету и признал:

– Да уж, можно признать, что о своей безопасности этот Дипломат заботится в высшей степени.

Мама тонко улыбнулась.

– Именно поэтому его устранение и поручено вам. Вы же мои лучшие специалисты. Кстати, после проверки всех этих сведений по моей просьбе сумма оплаты была несколько увеличена. За сложность исполнения.

– Это было сделано очень мудро, – проговорил Виктор, стряхивая пепел в пепельницу, представлявшую из себя настоящее чудо литья. – Как все, что вы делаете. Таисия Васильевна, на мой взгляд, вы чрезвычайно мудрая женщина.

Та пожала плечами.

– А как же иначе? Это было вполне естественно. Запросить дополнительную оплату, поскольку работа оказалась более сложной. Понятное дело, клиент хочет, чтобы работа была проведена максимально чисто и в самые краткие сроки.

– В какие? – спросил Виктор.

– Было бы просто идеально, если бы она была завершена в течение недели. Справитесь? Виктор бросил взгляд на Андрея. Тот кивнул.

– Да, справимся, – повернувшись к Маме, сказал Виктор.

От той, конечно же, ни взгляд, ни кивок не укрылись. Такое уже было. И все же Андрей не без удовольствия подумал о том, что подобные вещи должны ставить ее в тупик. С одной стороны, считалось (по крайней мере так Виктор ей в свое время объяснил), что он, Андрей, не более чем помощник, так сказать, «мальчик на подхвате». С другой, Виктор время от времени приводил Андрея в «берлогу» Мама, позволял присутствовать при получении задания и переговорах насчет исполнения и оплаты труда. Если бы Андрей был всего лишь «мальчиком на подхвате», дорога в «берлогу» Мама была бы закрыта для него напрочь. И потом, эти взгляды, кивки...

Андрей был уверен, что Мама уже не раз спрашивала себя: а не является ли Андрей полноправным партнером? Узнать точный ответ на этот вопрос она не смогла. Или не могла до сих пор. Пока.

«Ничего, пусть подумает, поломает голову», – с некоторой долей злорадства подумал он.

Однако было совсем не исключено, что Мама уже каким-то образом разобралась в их взаимоотношениях и теперь, вся эта таинственность ее просто забавляет, но вида она не подает.

Такой вариант был тоже вполне возможен. Андрей оценил то, что Мама, увидев их вместе с Виктором, не выказала ни малейшего удивления, хотя, по идее, должна была подпрыгнуть на стуле от изумления.

«Может быть ты, друг мой, – сказал он себе, – становишься самым обыкновенным параноиком, начинаешь видеть тайны и происки там, где их нет и в помине?»

Но как тогда быть с проверкой документов, устроенной у самого дома Виктора? Если это дело рук Мама, то и все другие его предположения должны быть верны.

– В таком случае... Когда вы выезжаете? – как бы между прочим поинтересовалась Мама.

– Как можно быстрее, – ответил Виктор. – Вот сейчас достанем кое-какое необходимое снаряжение, обзаведемся новыми паспортами и на всех парусах.

Мама сунула окурок сигареты в пепельницу и заботливо промолвила:

– Я бы не советовала вам слишком часто менять документы. Есть сведения, что в этом отношении планируется серия проверок.

– В таком случае, – невозмутимо ответил Виктор, – паспорта менять мы больше не будем. Те, что у нас сейчас, почти ничем не отличаются от настоящих. Собственно, они настоящие и есть, за исключением кое-каких, понятных только специалистам мелочей. Стандартную проверку в метро или на вокзале они выдержат железобетонно.

Пока он это говорил, Андрей не сводил испытующего взгляда с лица Мама.

Выдаст она себя или нет?

Ничего подобного. Мама, как всегда, осталась невозмутимой. Либо она не имела никакого отношения к проверке у дома Виктора, либо чудовищно владела собой. Второе – вероятнее.

– Ну что ж, раз вы такие предусмотрительные, – развела руками Мама, – то забирайте аванс и можете приступать к делу.

– И сколько нам там полагается? – спросил Виктор.

Мама несколько удивленно пожала плечами.

– Стандартная сумма – десять тысяч.

– Но ведь оплата в этот раз увеличена, – вкрадчиво напомнил Виктор.

– Ну и что... – Губы у Мама плотно сжались. – Насколько я понимаю, аванс дается на подготовку и проведение операции. Не вижу причин, по которым расходы на них были бы больше, чем обычно.

Виктор сокрушенно покрутил головой. В голосе его не были и намек на сарказм.

– И опять вы, Таисия Васильевна правы. Как всегда. Надеюсь, мы вас не обидели?

– Конечно, нет. – Мама снова была само обаяние. – Подождите, сейчас я принесу деньги.

Она опять ушла в глубь апартаментов и, вернувшись, протянула Виктору пачку стодолларовых бумажек.

– Пересчитайте.

– За кого вы нас принимаете! – пряча пачку в карман, оскорбился Виктор.

– А я говорю – пересчитайте. И прямо сейчас, здесь, передо мной, – почти приказала Мама.

Эта сцена разыгрывалась на глазах у Андрея уже не раз. Он знал, что сейчас Виктор вздохнет, вытащит деньги и станет их пересчитывать.

Так оно и получилось.

– Все, – наконец отрапортовал Дегин.

– Я вас не задерживаю, – сказала Мама, опускаясь в кресло. Она небрежным жестом тронула лоб, потом сокрушенно покачала головой. Все: командир сделал свое дело. Теперь на сцену вступала слабая женщина. – Ах, – едва слышно прошептала она. – По-моему, у меня снова скачет давление. Эх, старость не радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.